MDIO
315

МДІО 515

ТРУДЫ
командированной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію
АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

Выпускъ XIII.

1761/7

КЪ ВОПРОСУ
ОБЪ ОХОТНИЧЬЕМЪ ПРОМЫСЛѢ
на Дальнемъ Востокѣ.

Составилъ членъ Амурской Экспедиціи
С. П. Шликевичъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1911.

МД10 515

ТРУДЫ
командированной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію
АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

Выпускъ XIII.

1761

КЪ ВОПРОСУ
ОБЪ ОХОТНИЧЬЕМЪ ПРОМЫСЛѢ
на Дальнемъ Востокѣ.

Составилъ членъ Амурской Экспедиціи
С. П. Шликевичъ.

НКИД
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПОГАШЕНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1911.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

914582

V

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе 1

Организація торговли пушниной 5

Мѣстный рынокъ 8

Главнѣйшіе рынки торговли пушниной 10

Уменьшеніе промысловаго звѣря и мѣры къ его сохраненію 13

Приложеніе I. (Докладная записка для выясненія нуждъ пушного промысла и мѣръ къ улучшенію его положенія фирмы А. И. Громовой въ Иркутскѣ. 16

Приложеніе II. (Свѣдѣнія, данныя фирмой Г. Шафигуллина въ Иркутскѣ) 22

Приложеніе III. (Записка В. И. Рубинскаго «Соболиный промыселъ на Дальнемъ Востокѣ». 25

Предисловіе.

На Амурскую Экспедицію, согласно Высочайше утвержденному 27 октября 1909 г. постановленію Совѣта Министровъ, было возложено колонизаціонное обслѣдованіе района Амурской желѣзной дороги и изысканіе мѣръ къ его заселенію.

Въ соотвѣтствіи съ такими задачами, въ составъ Экспедиціи вошли партіи спеціалистовъ по обслѣдованіямъ: почвенно-ботаническимъ, агрономическимъ, статистико-экономическимъ, гидротехническимъ, зоо-техническимъ, лѣснымъ, дорожнымъ и геологическимъ, а также уполномоченные всѣхъ вѣдомствъ, по дѣятельности ихъ соприкасающихся съ колонизаціоннымъ дѣломъ на Дальнемъ Востокѣ.

Районъ полевыхъ работъ Экспедиціи въ 1910 году былъ ограниченъ, согласно постановленію Комитета по заселенію Дальняго Востока отъ 20 января/2 марта 1910 г., за № 5, мѣстностью отъ станціи головного участка желѣзнодорожной магистрали—Куенги до р. Буреи, а для геологическихъ партій—до г. Хабаровска; статистико-экономическое обслѣдованіе мѣстныхъ хозяйствъ, въ цѣляхъ его полноты и правильности выводовъ, было произведено сплошное, въ предѣлахъ всей Амурской области и Восточнаго Забайкалья; что касается дѣятельности уполномоченныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, то таковая, по существу дѣла, не могла быть, конечно, пріурочена къ какому-либо району, но должна была опредѣляться родомъ изучаемаго вопроса.

Съ самаго начала работъ, въ Экспедиціи не возникало сомнѣній, что такія общія колонизаціонныя мѣропріятія. какъ содѣйствіе экономическому и культурному развитію края и мѣры борьбы съ наплывомъ сюда иноземцевъ, а также съ экономической зависимостью края отъ иностранной торговли и промышленности въ

смежныхъ съ нимъ частяхъ Китайской Имперіи, не могутъ изучаться и разсматриваться въ отношеніи района Амурской желѣзной дороги особо отъ прочихъ областей Дальняго Востока.

Выдѣлить этотъ районъ при проектированіи колонизаціонныхъ мѣръ въ краѣ было бы равносильно рѣшенію теоретической задачи.

Внѣ общихъ свѣдѣній о положеніи сельскаго хозяйства въ краѣ, объ условіяхъ спроса и предложенія на продукты этого хозяйства, о порядкѣ надѣленія землею казачьяго и крестьянскаго населенія, объ организаціи переселенческаго дѣла, о количествѣ рабочихъ рукъ, о современныхъ условіяхъ торговли и промышленности, о рынкахъ сбыта предметовъ обрабатывающей промышленности и сельскихъ промысловъ, о транзитномъ значеніи строющейся желѣзной дороги, о порядкѣ управленія краемъ и проч., нельзя было бы, очевидно, придти къ какому-либо опредѣленному заключенію, какова колонизаціонная будущность района Амурской желѣзной дороги, но пришлось бы ограничиться лишь простымъ констатированіемъ наличности въ этомъ районѣ тѣхъ или иныхъ естественныхъ богатствъ, безъ указанія наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ ихъ использованія.

По приведеннымъ основаніямъ, на уполномоченныхъ вѣдомствъ было возложено изученіе различныхъ отраслей колонизаціоннаго дѣла въ предѣлахъ Забайкальской, Амурской и Приморской областей и Маньчжуріи—по особой программѣ, выработанной въ совмѣстномъ совѣщаніи чиновъ Экспедиціи подъ предсѣдательствомъ Начальника Экспедиціи.

Личныя наблюденія уполномоченныхъ были дополнены ими собранными въ различныхъ мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ матеріалами, и, кромѣ того, многіе вопросы обсуждались въ созывавшихся Начальникомъ Экспедиціи совѣщаніяхъ [1]) *изъ мѣстныхъ дѣятелей (чиновъ вѣдомствъ, промышленниковъ, торговцевъ и проч.).*

Въ результатѣ работъ Экспедиціи и собранныхъ чинами ея, при участіи мѣстныхъ дѣятелей, матеріаловъ, помимо собственно полевыхъ отчетовъ и общаго сводного отчета, дается рядъ моно-

---

[1]) *Въ Благовѣщенскѣ, Зеѣ-Пристани, Хабаровскѣ, Николаевскѣ, Никольскѣ-Уссурійскомъ, Владивостокѣ и Харбинѣ.*

графій по естественно-историческому и административно-экономическому описанію Дальняго Востока, составленныхъ отдѣльными лицами, привлеченными къ участію въ работахъ Экспедиціи.

Главнѣйшіе, издаваемые Экспедиціею, труды слѣдующіе: 1) матеріалы по статистико-экономическому обслѣдованію Амурской области и Восточнаго Забайкалья [1]*; 2) сельско-хозяйственное описаніе земель, входящихъ въ районъ Амурской желѣзной дороги, съ выдѣленіемъ непосредственно къ ней тяготѣющей части этихъ земель и опредѣленіемъ емкости ихъ для переселенія; 3) опытъ учета колонизаціонной емкости Приморской области; 4) колонизаціонное значеніе земледѣлія въ Амурской и Приморской областяхъ; 5) задачи сельско-хозяйственной гидротехники въ Амурской области; 6) животноводство въ Амурской области; 7) матеріалы о положеніи и нуждахъ торговли и промышленности (добывающей и обрабатывающей) въ Приамурскомъ краѣ и Маньчжуріи; 8) колонизаціонныя нужды Николаевскаго района Приморской области, въ связи съ переселенческимъ дѣломъ и рыбопромышленностью; 9) земское хозяйство въ Приамурскомъ краѣ, въ связи съ административнымъ и общественнымъ устройствомъ и управленіемъ; 10) положеніе и значеніе китайцевъ, корейцевъ и японцевъ въ Приамурскомъ краѣ и китайская колонизація въ Маньчжуріи; 11) средства сообщенія на Дальнемъ Востокѣ (желѣзныя дороги, водные пути—рѣчные и морскіе, гавани и порты, гужевыя дороги, почты и телеграфы), ихъ экономическое значеніе и планъ развитія; 12) карта Восточнаго Забайкалья, Амурской и Приморской областей, Сахалина и южной части Якутской области (въ масштабѣ 40 верстъ, на основаніи сводки всего картографическаго и геодезическаго матеріала, дополненнаго позднѣйшими съемками и астрономическими опредѣленіями, въ томъ числѣ и произведенными въ полевыхъ отрядахъ Экспедиціи).*

Изъ прочихъ, собранныхъ участниками Экспедиціи матеріаловъ, надо отмѣтить слѣдующіе: 1) о землепользованіи мѣстныхъ крестьянъ; 2) о положеніи церковно-учебнаго дѣла и врачебной

---

[1]) *Въ 4 частяхъ: 1) таблицы, 2) статистико-экономическое обслѣдованіе казачьяго и крестьянскаго хозяйства Амурской области, 3) статистико-экономическое обслѣдованіе частно-владѣльческихъ хозяйствъ Амурской области и 4) статистико-экономическое обслѣдованіе казачьяго и крестьянскаго хозяйства района Амурской ж. д. въ предѣлахъ Забайкальской области.*

части; 3) объ экономическомъ значеніи и положеніи пріисковыхъ районовъ Амурской области; 4) по вопросу о соединеніи Амурской желѣзной дороги съ Приленскимъ краемъ (сѣверо-байкальская дорога); 5) о желѣзнодорожныхъ поселкахъ въ Забайкальской и Амурской областяхъ; 6) о хозяйственной дѣятельности Управленія Нерчинскаго Округа Вѣдомства Кабинета Его Величества, и 7) о пушномъ промыслѣ.

Начальникъ Экспедиціи, Штальмейстеръ ***Н. Гондатти.***

Управляющій Дѣлами Экспедиціи ***В. Романовъ.***

Къ вопросу объ охотничьемъ промыслѣ на Дальнемъ Востокѣ.

Изъ фауны Приамурья къ промысловымъ животнымъ относятся безусловно бѣлка и соболь; къ животнымъ, составляющимъ предметъ охоты—тигръ, медвѣдь, кабанъ; благородный олень и коза служатъ объектами и крупнаго промысла, и охоты[1]). *Введеніе.*

Какъ правило, можно установить, что промыселъ, въ особенности на соболя, находится всецѣло въ рукахъ инородцевъ—якутовъ, тунгусовъ, ороченъ, гиляковъ, гольдовъ, тазовъ и проч. Охота въ настоящее время перешла уже въ руки русскихъ. Они добываютъ отчасти и бѣлку, а затѣмъ козу, оленя,

---

[1]) Понятія объ охотѣ и охотничьемъ промыслѣ соприкасаются весьма близко и разграничить ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ довольно трудно, но основное различіе между этими понятіями можно установить, исходя изъ начала необходимости для человѣка его занятія охотой: если главнѣйшимъ источникомъ средствъ къ жизни человѣка является его занятіе охотой, то она должна получить названіе охотничьяго промысла; если охота является подспорьемъ, подсобнымъ источникомъ средствъ, или любимымъ развлеченіемъ, дающимъ нѣкоторыя выгоды, то она не получаетъ названія промысла. Соотвѣтственно этому основному различію, промыселъ отличается отъ охоты также тѣмъ, что онъ требуетъ больше времени, трудовъ, приготовленій и спеціализаціи; результаты охоты подвержены большимъ случайностямъ, ликвидація ихъ не вырабатываетъ какой либо системы и, конечно, не создаетъ постояннаго спроса, между тѣмъ какъ результаты промысла колеблются лишь въ зависимости отъ общихъ условій жизни животныхъ, а потому и система ликвидаціи результатовъ промысла, спросъ на его продукты, сравнительно, опредѣленны и постоянны.

изюбря, лося, кабана, лисицу, волка, медвѣдя, и, наконецъ, птицу—фазана, тетерева и водоплавающую.

И охота, и промыселъ богаче въ Приморской области, чѣмъ въ Амурской. Результаты охоты въ Амурской области совершенно ничтожны. Убиваютъ ежегодно 50-100 шт. медвѣдей, штукъ 200 кабановъ, бьютъ, для своего употребленія, козъ, изюбрей весною—по насту и въ началѣ зимы, а въ маѣ убиваютъ нѣсколько десятковъ изюбрей изъ-за пантовъ, пара которыхъ продается отъ 30 до 200 рублей. Оффиціальныя данныя по Амурской области указываютъ весьма кратко, что «добывается много козъ и пушнины на 150.000 руб., изъ коихъ $^2/_3$ инородцами и $^1/_3$ русскими»; послѣднее совершенно невѣрно, такъ какъ, по категорическимъ утвержденіямъ всѣхъ знатоковъ дѣла, русскіе не добываютъ пушнины. Изъ промысловыхъ животныхъ въ Амурской области очень мало бѣлки; соболь водится, частью, въ верховьяхъ р. Зеи и, главнымъ образомъ, въ горномъ узлѣ, дающемъ начало рѣкамъ Селемжѣ, Буреѣ и Амгуни. Соболь этотъ очень высокаго качества, но добывается его немного, до тысячи штукъ въ годъ, и продается онъ большею частью на складахъ Селемжинскомъ, Чекундинскомъ (на р. Буреѣ) и Кербинскомъ (на р. Амгуни).

Въ Приморской области охота играетъ, сравнительно, гораздо болѣе значительную роль въ жизни населенія. По оффиціальнымъ даннымъ, за 1909 годъ убито оленей 544, козъ—12.189, кабановъ—3.672, другихъ животныхъ—34.864. Безъ сомнѣнія, всѣ эти цифры заслуживаютъ небольшого довѣрія и далеко не достигаютъ дѣйствительныхъ размѣровъ, но, на основаніи даже ихъ, можно заключить, что для сельскаго населенія области, всего въ 38 тыс. семействъ, результаты охоты значительны.

Въ сферѣ охоты и промысла весьма много интереса представляютъ бытовыя стороны, способы промысла и, главное, сторона экономическая. Бытовую сторону и охоты, и промысла въ Приамурьѣ, а также способы промысла прекрасно рисуютъ въ литературѣ трудъ В. П. Маргаритова—«Объ орочахъ Императорской гавани», изд. 1888 г, затѣмъ статья въ изданіи общеземской организаціи «Приамурье», 1909 г., наконецъ—прилагаемый къ настоящему докладу очеркъ чин. ос. пор. при Переселенческомъ Управленіи В. И. Рубинскаго «Соболиный про-

мыселъ на Дальнемъ Востокѣ» 1910 г. Съ своей стороны, я взялъ на себя задачу освѣтить цифрами вопросъ о количествѣ добываемаго охотой и промысломъ звѣря, о стоимости главнаго промысловаго объекта—бѣлки и соболя, о рынкахъ для нихъ, о принятыхъ въ торговлѣ пріемахъ, о нуждахъ промысла и торговли. Долженъ сказать, однако, что эти стороны дѣла почти совсѣмъ не имѣютъ литературы, а добываемые сырые матеріалы, по своему разнообразію, не поддаются сводкѣ.

Въ этой сферѣ царитъ полная неопредѣленность, полное отсутствіе точныхъ цифръ, проистекающее, частью, изъ самаго характера пушной торговли, частью—создаваемое умышленно, въ интересахъ коммерческой тайны. Единственнымъ первоисточникомъ свѣдѣній являются купцы, иногда не желающіе говорить много, иногда не знающіе предмета во всей его полнотѣ; каждый изъ купцовъ-пушниковъ знаетъ своихъ поставщиковъ, знаетъ нѣсколькихъ своихъ конкуррентовъ—это и все. Крупнѣйшіе изъ нихъ знаютъ, кромѣ своего города, еще и другіе рынки, главнѣйшіе пути сбыта, но это еще далеко не вся картина, такъ какъ пушной товаръ на Дальнемъ Востокѣ не учитывается и не можетъ быть учтенъ; здѣсь происходитъ еще процессъ соединенія какъ бы маленькихъ родниковъ, мелкихъ источниковъ, главное же русло, по которому текутъ мѣховые товары, образуется лишь въ Ирбитѣ, въ Н. Новгородѣ, Москвѣ, на огромныхъ пушныхъ рынкахъ, и оттуда уже русло направляется въ Берлинъ, Лейпцигъ, Парижъ, Лондонъ и далѣе, въ страну сбыта самыхъ дорогихъ мѣховъ—въ Америку. Процессъ собиранія свѣдѣній затрудняется еще тѣмъ, что пушная торговля въ городахъ Д. Востока находится, собственно говоря, въ рукахъ китайцевъ. Хотя и есть нѣсколько мѣстныхъ русскихъ фирмъ, торгующихъ, на ряду съ другими товарами, пушниной, но эти фирмы дѣйствуютъ въ одиночку, разрозненно и особаго вліянія на ходъ дѣла на рынкѣ не имѣютъ. Китайцы же крайне сплочены, какъ и въ другихъ своихъ дѣлахъ, и потому играютъ первенствующую роль во всѣхъ городахъ, кромѣ Благовѣщенска, не имѣющаго въ этой сферѣ большого значенія. Понятно, какъ трудно добывать свѣдѣнія отъ китайцевъ. Что они освѣдомлены прекрасно—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, такъ какъ они вообще обладаютъ способностью узнавать рѣшительно

*

все, интересующее ихъ, даже на значительныхъ разстояніяхъ, лишенныхъ путей сообщенія и китайская летучая почта (бѣгомъ черезъ лѣса и горы, по тропинкамъ, извѣстнымъ имъ однимъ) пріобрѣла себѣ большую извѣстность. Однако же, страсть къ конспираціи, плохое знаніе языка китайцами русскаго, и русскими китайскаго, боязнь выдать размѣръ своихъ торговыхъ оборотовъ, денежныхъ средствъ—все это дѣлаетъ китайцевъ-торговцевъ весьма сдержанными, и, съ самыми любезными пріемами, они умѣютъ сохранить свои свѣдѣнія про себя.

Другимъ источникомъ свѣдѣній могли-бы явиться таможни, наши и китайскія, регистрирующія всѣ товары, проходящіе чрезъ границу, но дѣло въ томъ, что наши таможни взимаютъ пошлину съ пуда, т. е. съ такой мѣры, которая совершенно не принята въ жизни, по отношенію къ пушнымъ товарамъ, и взимаютъ въ количествѣ совершенно непропорціональномъ [1]) стоимости мѣховъ, почему торговцы стали направлять мѣха транзитомъ, такъ что они не попадаютъ ни на русскую, ни на китайскую таможню, которая беретъ пошлину съ объявленной стоимости, т. е. величины произвольной, и количество пошлинъ опредѣляетъ также произвольно; какъ говорятъ купцы: «на китайской таможнѣ можно торговаться».

---

[1]) § 56 Таможеннаго Тарифа устанавливаетъ пошлину въ 115 рублей съ пуда шкуръ собольихъ, въ 40 руб. съ пуда лисьихъ и въ 15 руб.—бѣличьихъ, что въ процентномъ отношеніи къ стоимости каждаго рода изъ этихъ товаровъ представляетъ вопіющую несообразность, а именно:

Въ пудѣ	заключается	шкуръ	собольихъ	около	200		
»	»	»	»	лисьихъ	»	40	
»	»	»	»	бѣличьихъ	»	500	
на сумму, при средней цѣнѣ соболя въ 75 руб.—						15.000	руб.
»	»	»	»	» лисицы »	6 » —	240	»
»	»	»	»	» бѣлки »	75 коп.—	375	»

Соотвѣтственно сему процентъ таможеннаго обложенія составляетъ для соболя 0,7%, для лисицы 16,6%, для бѣлки 4%. Такая несоразмѣрность ведетъ къ тому, что лисица, совершенно не выдерживающая обложеніе почти въ 17 процентовъ стоимости, уходитъ за границу транзитомъ, не подвергаясь тогда никакому обложенію, мѣха соболи и бѣличьи уходятъ также транзитомъ, но уже почтовыми посылками.

Организація торговли пушниной.

Пріемы скупки пушнины отъ промышленниковъ практикуются разнообразные. Такъ, въ промысловыхъ раіонахъ хребта Сихота-Алинь въ Приморской области, гдѣ земледѣліе возможно, практиковался еще совсѣмъ недавно—а можетъ быть, практикуется и теперь въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, куда не достигаютъ землеотводныя работы переселенческой организаціи—пріемъ закабаливанія промышленниковъ-китайцевъ китайцами-землепашцами. Гдѣ-нибудь, на удобномъ мѣстѣ, основывалась китайская фанза, появлялась распашка, и продуктами земледѣлія кормилась цѣлая группа охотниковъ, оперировавшихъ въ тайгѣ. Эти охотники всецѣло зависѣли отъ хозяина фанзы, землепашца—отъ него они получали хлѣбъ, а ему приносили пушнину; экономическая ихъ связь и зависимость конечно, бывали различны: нѣкоторые охотники только брали по опредѣленной цѣнѣ хлѣбъ за шкуры, сдаваемыя также по опредѣленной цѣнѣ; нѣкоторые должали за оружіе, охотничьи припасы и проч.; наконецъ, нѣкоторые просто служили рабочими и командировались хозяиномъ на промыселъ. По показаніямъ многихъ изслѣдователей, извѣстно, что китайцы чрезвычайно жестокіе эксплоататоры и въ особенности безпощадно эксплоатируютъ мѣстныхъ инородцевъ—тазовъ, ороченъ, гольдовъ и проч., но и своихъ же бѣдныхъ китайцевъ они также эксплоатируютъ изрядно, почему пушнина имъ приходилась не особенно дорого. Судя по умѣнью китайцевъ организоваться, можно предполагать, что и эти, сидящіе въ тайгѣ эксплоататоры, зачастую, являются агентами богатыхъ китайскихъ фирмъ. Въ отношеніи скупщиковъ китайцевъ, имѣющихъ не распашки въ тайгѣ, а лавочки—напримѣръ, на побережьѣ Японскаго моря—имѣется, въ особой запискѣ утвержденіе извѣстнаго въ краѣ старожила и дѣятеля, старшаго совѣтника Приморскаго Областного Правленія, Суханова, что они являются агентами большихъ фирмъ; онъ же говоритъ, что скупленная ими пушнина уходитъ въ Китай, не появляясь на русскомъ рынкѣ, хотя, повидимому, это правило допускаетъ исключенія, такъ какъ извѣстны случаи покупокъ у этихъ китайцевъ пушнины русскими старовѣрами, проживающими на побережьѣ Японскаго моря. Затѣмъ, намъ извѣстенъ случай снаряженія мелкимъ русскимъ промышленникомъ нѣсколькихъ партій китайцевъ на промы-

селъ, но только не звѣря, а корня «жень-шень»; этотъ промышленникъ снаряжалъ въ тайгу китайцевъ, снабжая ихъ рѣшительно всѣмъ необходимымъ по извѣстной цѣнѣ, а послѣ, по возвращеніи и реализаціи добычи, удерживалъ всю стоимость отданнаго и еще 10%. Такой пріемъ употребляется и въ отношеніи промышленниковъ пушнины; имъ раздаются мука, охотничьи припасы, олени и прямо деньги, съ уплатою, по окончаніи охотничьяго сезона, пушниной. Всѣ эти способы, заключающіе въ себѣ въ томъ или иномъ количествѣ элементъ эксплоатаціи, прижимки, вполнѣ примѣнимы и къ инородцамъ, и къ китайцамъ, потому что какъ тѣ, такъ и другіе отличаются необыкновенною честностью, въ особенности—инородцы. Мнѣ говорилъ одинъ довольно крупный скупщикъ въ Хабаровскѣ, что онъ практикуетъ выдачу задатковъ уже 15 лѣтъ, раздаетъ ежегодно по нѣсколько тысячъ рублей безъ всякихъ расписокъ и не было случая, чтобы задатокъ остался не выполненнымъ; если инородецъ, взявшій задатокъ, даже погибаетъ въ тайгѣ отъ болѣзни или несчастнаго случая, то уплачиваетъ долгъ его родъ, и купецъ никогда не остается въ убыткѣ. Чрезвычайной торговой честностью отличаются и крупные торговцы китайцы, о чемъ мнѣ свидѣтельствовалъ, съ невольнымъ удивленіемъ и уваженіемъ, очень крупный русскій «пушникъ», скупающій мѣха на сотни тысячъ рублей; онъ утверждалъ, что денежные документы совершенно неизвѣстны въ этомъ мірѣ торговли пушниной съ китайцами, и что обмановъ въ денежныхъ платежахъ съ китайцами не бываетъ.

Если въ организаціи скупки пушнины изъ первыхъ рукъ совершенно отсутствуетъ элементъ зависимости, если промышленникъ свободенъ распорядиться своей добычей, по усмотрѣнію, то скупка происходитъ на ярмаркахъ, изъ которыхъ особенно извѣстна ярмарка въ Чекундѣ (на р. Буреѣ), Воскресенскѣ, Маріинскѣ, Орельская и др. На этихъ ярмаркахъ пускаются въ ходъ разные пріемы, вплоть до спаиванія спиртомъ и обыгрыванія въ карты, съ помощью шуллерскихъ пріемовъ, однако-же есть и вполнѣ порядочные скупщики, которыхъ инородцы цѣнятъ за честность и уступаютъ имъ въ цѣнѣ «по знакомству», поэтому попытки отдаленныхъ фирмъ—Иркутскихъ,

Московскихъ, присылать своихъ агентовъ на ярмарки не всегда бываютъ удачны.

По способу скупки пушнины, районы пушного промысла въ Амурской и Приморской областяхъ можно подраздѣлить такъ: 1) районъ скупки китайцами-земледѣльцами и лавочниками — хребетъ Сихота-Алинь и побережье моря южнѣе Императорской гавани; 2) раіонъ скупки лавочниками китайцами и русскими — низовья Амура; 3) районъ скупки путемъ выдачи денежныхъ задатковъ болѣе или менѣе крупными фирмами—части Амурскаго бассейна, тяготѣющія къ Хабаровску; 4) районы скупки на ярмаркахъ—самая сѣверная часть Амурской и Приморской областей. Безъ сомнѣнія, всѣ эти районы не имѣютъ строго очерченыхъ границъ и въ каждомъ изъ районовъ возможны различныя комбинаціи скупки пушнины, но важно отмѣтить въ каждомъ районѣ способы наиболѣе распространенные; между прочимъ, имѣются свидѣтельства о томъ, что торговцы-китайцы положительно закабаляютъ своихъ кліентовъ, и посторонній покупатель отъ нихъ ничего не можетъ пріобрѣсти, почему установленный этими торговцами способъ въ данномъ районѣ является единственнымъ; такъ, г. Сухановъ говоритъ: «инородческое населеніе по Амуру, въ районѣ Хабаровскаго уѣзда, китайскими торговцами, фактически, раздѣлено на нѣсколько отдѣльныхъ районовъ и въ каждомъ районѣ сидитъ одинъ какой-либо агентъ торговца; никто другой изъ китайцевъ-торговцевъ въ его районъ для торговли съ инородцами и для скупа у нихъ пушнины не можетъ сунуться. Такъ напримѣръ, въ гольдскомъ селеніи, расположенномъ въ устьѣ Хунгари, близъ сел. Вознесенскаго, одинъ китайскій торговецъ захватилъ въ свои руки весь промысловой раіонъ рѣки Хунгари до Императорской гавани. Инородцы этого района считаютъ обязательнымъ имѣть дѣло только съ этимъ именно торговцемъ и продаютъ ему весь свой пушной промыселъ. Такимъ образомъ, китаецъ этотъ является, фактически, хозяиномъ довольно обширнаго промыслового раіона и эксплоататоромъ значительнаго инородческаго населенія.

Повидимому, все же нельзя дѣлать изъ этого факта такого вывода, что подобные монополисты-торговцы берутъ у промыш-

ленниковъ пушнину по той цѣнѣ, по какой хотятъ; такой выводъ противорѣчилъ бы наблюдающемуся колебанію цѣнъ, съ весьма замѣтной тенденціей къ повышенію за послѣдніе годы, при чемъ это колебаніе цѣнъ происходитъ не только тамъ, гдѣ есть уже нѣчто въ родѣ рынка, но и въ первыхъ рукахъ, у самихъ промышленниковъ, которые соображаются съ удачностью промысла, съ количествомъ добытаго звѣря. Очевидно, и здѣсь, несмотря на всю удаленность «производителя» отъ потребителя, удаленность лондонскаго рынка отъ гольда въ верховьяхъ какой-нибудь Амгуни или Селемджи, законы спроса и предложенія дѣлаютъ свое дѣло, проникая даже чрезъ толщу промежуточныхъ звеньевъ, которыми связаны эти антиподы [1]).

Мѣстный рынокъ.

До сихъ поръ мы знакомились со скупкой пушнины на мѣстѣ, у промышленниковъ, но необходимо отмѣтить также особенности мѣстнаго рынка, куда впервые поступаетъ пушнина уже изъ рукъ торговцевъ. Конечно, здѣсь дѣло идетъ о самой дорогой пушнинѣ, о соболѣ, вокругъ котораго сосредоточиваются всѣ интересы, всѣ помыслы пушныхъ торговцевъ. Соболь различается — амурскій, амгунскій, камчатскій; у него масса оттѣнковъ, масса едва уловимыхъ качествъ и недостатковъ мѣха; достаточно сказать, что цѣна одной шкурки, величиною не больше солидной крестьянской кожаной рукавицы, колеблется отъ 15 рублей до 1.500 за нѣкоторые исключительные экземпляры, покупаемые по такой цѣнѣ уже въ качествѣ рѣдкостей. Соболь долженъ быть чрезвычайно «пышенъ», какъ говорятъ купцы, волосъ его мѣха долженъ быть длиненъ, необыкновенно мягокъ и черенъ сверху, а въ срединѣ имѣть голубой оттѣнокъ; дорогой соболь отличается тѣмъ, что весь волосъ мѣха ровный и густой, безъ подшерстка. Нужно быть чрезвычайно тонкимъ спеціалистомъ, чтобы различить и расцѣнить мѣхъ соболя. Мнѣ говорили такіе спеціалисты, что ихъ занятіе—сортировка собольихъ шкурокъ—сопряжено съ голов-

---

[1]) Само собою разумѣется, что повышеніе и спроса, и предложенія учитывается въ большей мѣрѣ посредниками, и изъ суммы, переплачиваемой потребителемъ, или недополучаемой промышленникомъ, львиную долю удерживаютъ въ свою пользу передаточныя инстанціи. По этому поводу интересны заявленія торговцевъ, которыя я помѣщаю въ концѣ доклада полностью, въ видѣ приложенія.

ными болями и болѣзнью глазъ; почему это происходитъ, они не знаютъ, но говорятъ, что отъ соболя бываетъ «чижолый духъ», и что съ его тонкой ости идетъ мельчайшая пыль, когда мѣхъ встряхиваютъ и раздуваютъ, чтобы видѣть его густоту.

Соболь прежде всего формируется въ «партіи». Дѣло въ томъ, что въ мѣхахъ различаются, въ спеціальныхъ терминахъ, «головка», «середка» и «хвостъ», что соотвѣтствуетъ, на языкѣ литературномъ, сортамъ—первому, второму и послѣднему. Вообще говоря, на рынкѣ всегда бываетъ больше всего «хвоста», поменьше «середки» и совсѣмъ мало «головки», при чемъ цѣны на «головку» подвержены наименьшимъ колебаніямъ, а середка и хвостъ (будемъ называть ихъ этими терминами) испытываютъ колебанія сильнѣйшія, какъ говорятъ—до 65%.

Задача торговца сводится къ тому, прежде всего, чтобы, купивши за подходящую цѣну товаръ, съумѣть составить изъ него партію съ такимъ расчетомъ, чтобы головка была достаточно заманчива и провела-бы за собой, по выгодной цѣнѣ, хвостъ и середку. Нужно-ли объяснять, какъ трудна и тонка эта задача? По свидѣтельству одного безусловно достовѣрнаго лица, ему пришлось видѣть и близко ознакомиться съ двумя партіями соболей: одна состояла изъ 90 штукъ, оцѣнивалась въ 18 тыс. рубл., при чемъ головки въ ней было 22 шкурки, середки 25 и хвоста 43; другая партія была изъ 30 соболей, оцѣнивалась въ 9 тыс. рубл. и состояла изъ 12 шкурокъ головки, 8—середки и 10—хвоста. Какъ видно изъ этихъ двухъ примѣровъ, партіи бываютъ разной численности, разной стоимости, и процентъ въ нихъ шкурокъ разныхъ сортовъ также бываетъ разный; все зависитъ, такъ сказать, отъ взаимоотношенія разныхъ сортовъ: получше головка—похуже и побольше хвоста, или головки поменьше—середки больше, и т. д., въ безконечномъ количествѣ сочетаній, благодаря чрезвычайному разнообразію въ цѣнахъ на отдѣльные экземпяры. Купить, въ массѣ, конечно, одну головку или даже середку положительно невозможно, или-же за эти сорта мѣха пришлось-бы заплатить столько-же, сколько и за всю партію, съ «хвостомъ»; ни одинъ купецъ-пушникъ не рѣшится оставить себѣ одни плохіе сорта, такъ какъ онъ ихъ, навѣрное, не сбудетъ: таковы

уже обычаи торговли соболемъ. Какъ купцы говорятъ, соболь «вещь деликатная», и дѣйствительно, мѣхъ его чрезвычайно подверженъ порчѣ: соболь, пробывшій у купца одинъ годъ, теряетъ уже очень много въ своей цѣнѣ, такъ какъ мѣхъ его становится болѣе свѣтлымъ, и это обстоятельство не позволяетъ торговцу выжидать цѣны будущаго года; онъ долженъ ликвидировать всю наличность соболя, хотя-бы и съ убыткомъ. Мнѣ говорилъ одинъ крупный торговецъ пушниной, оставившій уже это дѣло, что убытокъ на соболѣ иногда достигаетъ 20%, барышъ-же выходитъ и въ 40%, но, несмотря на столь благопріятное колебаніе, отдѣльные случаи потерь бываютъ жестоки и разоряютъ торговцевъ. Это зависитъ прежде всего отъ колебанія цѣнъ на міровомъ рынкѣ, отъ прихотей моды, а затѣмъ и отъ случайностей, отъ азарта, въ который впадаетъ иногда покупщикъ, при борьбѣ съ конкуррентами. При установкѣ цѣнъ, на мѣстномъ рынкѣ нерѣдко пускаются въ ходъ различныя уловки: китайцы приносятъ на домъ крупнымъ торговцамъ готовыя партіи и прицѣниваются, потомъ ихъ пересоставляютъ и снова приносятъ, чтобы судить, насколько покупатель щедръ и быстро-ли онъ идетъ на надбавку. Это продѣлываютъ только торговцы китайцы, и добытыя свѣдѣнія становятся быстро извѣстными всѣмъ китайцамъ, какъ нельзя болѣе сплоченнымъ: и въ покупкѣ, и въ продажѣ они держатъ для русскихъ однѣ и тѣ-же цѣны, и продавецъ, не поладившій съ однимъ китайцемъ, напрасно будетъ обращаться къ другому— ему станутъ давать все меньше и меньше, тѣмъ самымъ заставляя возвратиться къ первому покупателю. Такими путями достигается господство китайцевъ на мѣстныхъ рынкахъ пушнины и бороться съ ними едва-ли возможно въ этой отрасли торговли, какъ и во многихъ другихъ.

Главнѣйшіе рынки торговли пушниной.

Самыми крупными рынками пушнины на Дальнемъ Востокѣ являются, въ порядкѣ постепенности, города Хабаровскъ Владивостокъ, Никольскъ-Уссурійскій, Благовѣщенскъ, и въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ Маньчжуріи—Мукденъ и Санъ-Синъ (въ Китаѣ—Тянь-Цзинъ). Что касается размѣра торговыхъ оборотовъ, то, по показаніямъ разныхъ лицъ, цифры какъ общаго для края оборота, такъ и по отдѣльнымъ рынкамъ, зачастую, не имѣютъ ничего общаго—то выражаясь милліонами, то падая

до нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Выбрать изъ этихъ цифръ что-нибудь среднее представляется невозможнымъ, провѣрить ихъ тѣмъ болѣе, и остается остановиться на тѣхъ, которыя кажутся, по источнику происхожденія, болѣе правдоподобными. Лично я склоненъ придавать наиболѣе вѣроятія показаніямъ русскихъ торговцевъ, но, для сравненія, приведу разныя цифры, съ указаніемъ источниковъ; цифры эти будутъ касаться только двухъ главныхъ разрядовъ пушнины—соболя и бѣлки, такъ какъ всѣ остальные мѣха, ни по численности, ни по стоимости, не могутъ идти съ ними ни въ какое сравненіе.

Свѣдѣнія касаются всего Приамурья.

Источн. свѣдѣн. Китайское Консульство	Количество.	Цѣнность.
Соболь . . .	10.000	100.000 р.
Бѣлка . . .	100.000	

Хабаров. русск. торг. фирмы.	Количество.	Цѣнность.
	6.000—10.000	1.800.000 до 2.000.000
	4—5 мил.	1.000.000

Китайскія фирмы.	Количество.	Цѣнность.
Соболь . . .	2.200	300.000 р.
Бѣлка	60.000	25.000 »

Владивосток. русск. торговцы.	Количество.	Цѣнность.
	3— 4.000	отъ 5 р. до 150 р. шт.
	15—20.000	40—80 к. шт.

Приам. Управл. Госуд. Имущ.	Количество.	Цѣнность.
Соболь . . .	—	1½ мил. р.
Бѣлка	—	200.000 »

Мѣстный крупн. торговецъ	Количество.	Цѣнность.
	10.000	1.500.000
	—	—

Пріѣзжій весьма крупный торговецъ.

	Количество.	Цѣнность.
Соболь	25.000	3.000.000
Бѣлка	400.000	200.000

По свѣдѣніямъ г. Суханова, всего въ Приморской области добывается соболя на 202 тыс. рублей, но въ эту цифру не входитъ добыча самыхъ сѣверныхъ мѣстностей области, откуда пушнина попадаетъ на рынокъ въ г. Якутскъ. Свѣдѣнія, приведенныя въ книгѣ «Приамурье» (стр. 294), также указываютъ на крайнюю разнорѣчивость источниковъ и не даютъ возможности прійти къ чему-либо опредѣленному. Свѣдѣнія г. Рубинскаго даютъ другія цифры и, наконецъ, свѣдѣнія крупныхъ иркутскихъ торговцевъ, знающихъ рынокъ Дальняго Востока,

также не совпадаютъ съ собранными (эти свѣдѣнія приведены въ концѣ, въ подлинныхъ запискахъ).

Для полноты свѣдѣній, можно привести еще данныя таможенныхъ округовъ, Приамурскаго и Иркутскаго, о ввозѣ и вывозѣ соболя и бѣлки за 1909 годъ. Ввезено чрезъ ст. Пограничную изъ Маньчжуріи въ Приморскую область:

соболя 6 п. 3 ф. 23 з. (32.045 р.),
бѣлки 3 п. 32 ф. 72 з. (763 р.).

Вывезено изъ Камчатки, Сахалина и портовъ Охотскаго моря, черезъ Владивостокъ въ Россію:

соболя 2.219 штукъ (приблизительно).
бѣлки (?)

Вывезено чрезъ ст. Маньчжурію изъ Китая въ Европейскую Россію.

соболя 2 п. 2 ф. 51 з. (10.396 р.),
бѣлки 23 п. 6 ф. 74 з. (1.775 р.).

Вывезено соболя черезъ Иркутскую таможню: изъ областей Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской 73 п. 29 ф. и изъ Маньчжуріи—62 п. 38 ф.

Какъ видно, и эти свѣдѣнія не даютъ ничего опредѣленнаго и вопросы, естественно рождающіеся при изслѣдованіи данныхъ о пушномъ промыслѣ, остаются безъ отвѣта. Хотѣлось-бы знать—на какую именно сумму добывается пушнины въ Приамурьѣ, какъ дѣлится эта сумма по отдѣльнымъ районамъ, какая часть суммы достается промышленникамъ и какая составляетъ прибыль мѣстныхъ торговцевъ, какъ велико число промышленниковъ и, въ связи съ этимъ, какъ великъ, въ среднемъ, заработокъ каждаго, и проч. На всѣ эти вопросы отвѣтовъ нѣтъ.

Съ нѣкоторой положительностью можно говорить лишь о такихъ вещахъ, которыя видимы на глазъ, а именно о томъ, что какъ-бы ни была велика или мала сумма денегъ, выручаемыхъ инородцемъ промышленникомъ—она не является рѣшающимъ факторомъ въ его существованіи, и губятъ инородцевъ не денежныя притѣсненія тѣхъ или иныхъ любителей наживы, но спиртъ и болѣзни. Затѣмъ, можно говорить объ уменьшеніи звѣря вообще и въ частности соболя. Человѣкъ подбирается

все ближе къ тайгѣ и поступаетъ какъ съ нею, такъ и со звѣремъ безпощадно.

Уменьшеніе промысловаго звѣря и мѣры къ его сохраненію.

По общимъ отзывамъ торговцевъ пушниною, количество соболя уменьшается чрезвычайно быстро, и если не будетъ предпринято ничего для сохраненія звѣря, то онъ будетъ выбитъ въ самомъ близкомъ будущемъ; торговцы утверждаютъ, что добыча сократилась во многихъ мѣстахъ въ 3, 5 и болѣе разъ, а кое-гдѣ и совсѣмъ прекратилась; такъ, въ Амурской области добыча соболя уменьшилась разъ въ 5—6, по р. Чикою въ Забайкальѣ, гдѣ добывалось нѣсколько тысячъ, теперь едва-ли добудутъ 500 шт., по р. Киренгѣ, въ Иркутской губ., добывали по двѣ тысячи, а съ прошлаго года ни одного соболя нѣтъ, какъ нѣтъ болѣе и знаменитыхъ витимскихъ соболей. Цифры, сообщаемыя Маргаритовымъ въ его работѣ объ орочахъ Императорской гавани (1888 года), представляются теперь сказочными. Такъ, онъ говоритъ, что рьяный охотникъ добываетъ до 70 соболей въ зиму, а цѣна соболю въ Николаевскѣ 3 р., между тѣмъ какъ теперь едва-ли есть много самыхъ лучшихъ охотниковъ, добывающихъ по семи соболей въ зиму, цѣна-же соболя въ среднемъ у промышленника не менѣе 30—40 рублей. Уменьшеніе соболя и колоссальное вздорожаніе бѣлки, съ 17—20 коп. за штуку до 75—80 коп., заставило промышленниковъ обратить всю энергію на добычу бѣлки, которая теперь стала избиваться безпощадно, съ рискомъ уничтожить и ее; многіе изъ торговцевъ возбуждаютъ уже вопросъ о необходимости воспретить совершенно, не менѣе какъ на два года, охоту на соболя, а потомъ, черезъ каждые два-три года, дѣлать годичный перерывъ. На вопросъ—что-же будутъ дѣлать промышленники въ запретные годы и чѣмъ они заработаютъ себѣ средства для жизни—торговцы отвѣчаютъ весьма резоннымъ вопросомъ:—а что они будутъ дѣлать, когда соболя совсѣмъ не станетъ, какъ это и случилось уже во многихъ мѣстахъ? Торговцы говорятъ также, что промышленники могутъ перебиться бѣлкой и другой пушниной, и утверждаютъ, что инородцы, составляющіе весь контингентъ промышленниковъ, безусловно выкажутъ повиновеніе закону, если онъ выйдетъ; на рѣдкихъ-же исключеніяхъ слѣдуетъ показать примѣръ строгаго взысканія. По ихъ словамъ, промышленнику, нарушившему запрещеніе,

нельзя будетъ укрыться отъ правосудія, такъ какъ въ соблюденіи закона *всѣми* заинтересованъ *каждый* отдѣльный промышленникъ. Въ требованіяхъ изданія закона, охраняющаго соболя, какъ самаго драгоцѣннаго звѣря, торговцы идутъ дальше и говорятъ, что необходимо запретить добычу соболей сѣтями и добычу въ неурочное время, т. е. въ теченіе 9 мѣсяцевъ кромѣ ноября, декабря и января, когда соболь достигаетъ наибольшей цѣнности. Казалось-бы, что къ этимъ, вполнѣ основательнымъ пожеланіямъ торговцевъ пушниной, слѣдовало-бы присоединить пожеланіе объ изданіи закона, ограничивающаго не только промыселъ, но и скупку пушнины, и регламентирующаго также всю охоту. Что-же касается вопроса объ обезпеченіи инородцевъ предметами первой необходимости на время запрещенія промысла, то мнѣ кажется, что этотъ вопросъ разрѣшается весьма просто. При томъ незначительномъ инородческомъ населеніи, какое осталось еще въ тайгѣ, исключительно въ качествѣ промышленниковъ, и исчисляется сотнями семействъ (пусть ихъ будетъ даже нѣсколько тысячъ семействъ въ областяхъ Приморской, Амурской, Якутской и Забайкальской и въ Иркутской губерніи), при общепризнанной безусловной ихъ добросовѣстности, честности, Правительству совершенно ничего не стоило-бы оказать имъ кредитъ натурою на запретный въ отношеніи охоты годъ. Отъ мѣстныхъ торговцевъ, золотопромышленниковъ, отъ самихъ инородцевъ можно было-бы узнать, въ какіе склады въ каждой области было-бы удобнѣе привезти муку, масло, табакъ, порохъ и проч.; вѣдь, въ сущности, имъ нужно чрезвычайно мало. Можетъ быть, инородцы, освѣдомившись объ организаціи снабженія ихъ на запретный годъ (они освѣдомляются съ удивительной быстротой), пожелали-бы взять всѣ предназначаемые имъ предметы даже въ крупныхъ центрахъ, чтобы потомъ самимъ увезти ихъ къ себѣ на своихъ лодкахъ и оморочкахъ. Съ ними имѣть дѣло чрезвычайно легко и просто, а это дѣло столь важно въ интересахъ всего края, въ интересахъ Государства, что для сохраненія промыслового звѣря отъ истребленія стоило-бы приложить усилія къ организаціи охраны. Здѣсь нуженъ кредитъ на двухлѣтній срокъ (такъ какъ предметы потребленія инородцы берутъ и безъ того на одинъ годъ), а если уплату долга разложить на два года, то—на трех-

лѣтній. Размѣры этого кредита опредѣляются въ сто-двѣсти рублей на семью, и такую небольшую, сравнительно, сумму, вѣроятно, можно было бы взять даже изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала. Все остальное, по изданіи надлежащаго закона,—дѣло организаціи и дѣло простое, но не терпящее уже болѣе отлагательства, а вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщающее большіе результаты; не слѣдуетъ забывать, что о запрещеніи охоты надо объявить съ начала весны и къ этому времени уже приготовить запасы для снабженія инородцевъ всѣмъ необходимымъ.

Итакъ, неотложное изданіе закона о промыслѣ, и организація мѣръ, связанныхъ съ примѣненіемъ этого закона—вотъ насущная нужда пушного промысла, обреченнаго въ противномъ случаѣ на быструю гибель. Торговля-же пушными товарами нуждается въ пересмотрѣ, съ участіемъ спеціалистовъ и заинтересованныхъ лицъ, таможеннаго устава, чтобы уничтожить вышеприведенныя несообразности и дать Государству доходъ.

Приложеніе I.

Докладная записка для выясненія нуждъ пушного промысла и мѣръ къ улучшенію его положенія фирмы А. И. Громовой въ Иркутскѣ.

Количество добываемаго соболя и бѣлки, а также и иной пушнины въ районѣ огромнаго бассейна Амура, лежащаго частью своихъ притоковъ и въ предѣлахъ Китайской Имперіи, не поддается точному учету, во-первыхъ, потому, что самый урожай пушного звѣря мѣняется, по сравненію одного года съ другимъ, въ зависимости отъ урожая кормовъ и условій погоды, и потому, что шкурки звѣрей не собираются исключительно на ярмаркахъ и торжкахъ, гдѣ ихъ можно было бы учесть, а во многихъ случаяхъ, черезъ мѣстныхъ и пріѣзжихъ агентовъ разныхъ фирмъ, отправляются прямо съ мѣста крупными партіями на центральные рынки въ Россію.

Приблизительно, общее среднее количество добываемаго въ Амурскомъ бассейнѣ звѣря ежегодно надо считать: соболя 15—20.000 штукъ, бѣлки 2—3.000.000 шт., лисицы 20—30.000 шт.; указать же по пунктамъ добычу звѣря не представляется возможнымъ въ виду перекочеванія звѣря, напр. бѣлки, изъ одного района въ другой, въ зависимости отъ корма.

Въ сезонъ—осень 1909—весна 1910 г. добыто приблизительно:

Въ раіонѣ	Баргузина	соболя	400	бѣлки	300	т.	лисицы	1.000
„	Тунки	»	1.000	„	300	„	„	1.000
„	Читы	„	600	„	500	„	„	5.000
„	Нерчинска	„	300	„	300	„	„	1.000
„	Благовѣщенска	„	2.000	„	300	„	„	5.000
„	Хабаровска	„	1.000	„	100	„	„	1.000
„	Владивостока	„	1.000	„	100	„	„	1.000
„	Маньчжуріи	„	8.000	„	600	„	„	15.000

По сортамъ пушнина распредѣляется въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ высшихъ, въ нисходящей линіи, съ показаніемъ размѣра добычи и относительной цѣнности въ процентномъ отношеніи:

соболь	витимскій, высочайшій по цѣнности, почти исчезъ—выбитъ.						
»	баргузинскій	качествомъ	100%	Всѣхъ этихъ соболей вмѣстѣ добывается въ размѣрѣ 10—20% общаго количества соболей			
»	кумарскій	»	90—				
»	зейскій	»	90—				
»	джалиндинскій	»	80—				
»	буреинскій	»	80—				
»	чикойскій	»	80—				
»	учурскій	»	80—				
»	камчатскій	»	60—	размѣромъ	добычи	10%	
»	сансинскій	»	40—	»	»	50—	
»	тункинскій	»	30—	»	»	5—	
»	амурскій	»	20—	»	»	25—	
бѣлка	аргунская	черная	»	100—	»	»	10—
»	чикойская	»	»	100—	»	»	10—
»	нерчинская	»	»	90—	»	»	10—
»	санагинская	»	»	90—	»	»	5—
»	баргузинская	»	»	90—	»	»	10—
»	тункинская	»	»	80—	»	»	10—
»	забайкальская	»	»	80—	»	»	15—
»	хабаровская	»	»	80—	»	»	10—
»	монгольская	свѣтлая	»	50—	»	»	20—
лисица	камчатская	»	»	100—	»	»	10—
»	амурская	»	»	50—	»	»	30—
»	монгольская	»	»	25—	»	»	60—

Высшіе сорта соболя составляютъ теперь предметъ рѣдкости и отсюда вытекаетъ расцѣнка отдѣльныхъ экземпляровъ по 1.000 р. за шкурку. Среднія партіонныя цѣны, состоявшіяся на мѣстахъ покупки въ послѣдній сезонъ: баргузинскіе 400 р.

НКИД ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

за шкурку, кумарскіе, зейскіе—300 р., джалиндинскіе, буреинскіе, чикойскіе, учурскіе—250, камчатскіе—100, сансинскіе—60, тункинскіе—35, амурскіе—25. Бѣлка: аргунская, чикойская—75 к. шкурка, нерчинская, санагинская, баргузинская—70, тункинская, забайкальская, хабаровская—65, монгольская—35. Лисица красная: камчатская—20 р. шкурка, амурская—12, монгольская желтая—5 р.

Количество звѣря несомнѣнно уменьшается, а въ нѣкоторыхъ районахъ, напр. витимскомъ, гдѣ 10—15 лѣтъ тому назадъ собиралось до 400—500 штукъ лучшихъ экземпляровъ соболей, которые теперь цѣнились бы не менѣе 600—750 р. за шкурку партіонно, теперь соболь встрѣчается единицами. Раньше этотъ соболь цѣнился партіонно до 150 рублей за шкурку. Учурскій соболь, собиравшійся 10 лѣтъ тому назадъ, преимущественно, въ якутскую ярмарку, въ количествѣ до 6.000 шкурокъ, расцѣнивался до 60—75 р. за шкурку партіонно, а теперь туда поступаетъ его не болѣе 2.000 штукъ и расцѣнивается онъ въ среднемъ 150—200 р. за шкурку партіонно. Въ ярмарку 1910 года поступило его не болѣе 1.500 штукъ и прошелъ онъ партіонно 230—250 р. шкурка.

Труднѣе сказать, уменьшается или стоитъ на одномъ уровнѣ добыча бѣлки, въ виду особенной плодовитости этого звѣря и способности его перекочевывать: то на время, какъ бы волною отливать, то вновь появляться въ большомъ количествѣ. Но нужно замѣтить, что, въ виду растущей за послѣднее десятилѣтіе цѣнности этого звѣря, охота на него съ каждымъ годомъ усиливается: если прежде, при цѣнѣ 25 к. за шкурку, изъ села выходило на промыселъ 10 человѣкъ, то теперь, при цѣнѣ въ 75 коп., стало выходить 50 человѣкъ. Параллельно растетъ и районъ промысловъ и охотники заходятъ все глубже въ тайгу. Слѣдовательно, только, можетъ быть, благодаря усиленной охотѣ, количество добычи стоитъ, болѣе или менѣе, на одномъ уровнѣ, а на самомъ дѣлѣ мы находимся наканунѣ полнаго истребленія звѣря, о чемъ рѣчь ниже. Низовья Лены, напр.—Олекма, Алданъ, Вилюй, Витимъ, откуда бѣлка собиралась лѣтъ 10—15 тому назадъ въ Якутскую ярмарку, въ количествѣ полутора - двухъ милліоновъ, теперь даютъ 250—500 тысячъ ежегодно.

Инымъ звѣремъ Забайкалье не изобилуетъ: колонокъ—до 100 тыс., при цѣнѣ 1 р. 50 к. за шкурку, горностай—50 т., при цѣнѣ до 2 р., затѣмъ—волкъ, рысь медвѣдь, россомаха, енотъ добываются въ незначительномъ количествѣ.

Въ Маньчжуріи въ послѣднее десятилѣтіе сильно развилась добыча тарбагана (сурка), количество котораго съ десятковъ тысячъ дошло до 1.000,000 штукъ и болѣе; цѣнность съ копѣекъ поднялась до рубля, а послѣднюю осень—1 р. 40 к. за штуку. Этому звѣрю въ скоромъ времени грозитъ полное исчезновеніе и, можетъ быть, къ лучшему, въ виду приносимой имъ человѣчеству чумы. Значительная доля тарбагана и монгольской свѣтлой лисицы проходитъ чрезъ русскіе центральные рынки въ Европу, а часть поступаетъ въ китайскій Тянь-Цзинъ, который считается самымъ крупнымъ центромъ по сбыту пушнины, откуда пушнина уходитъ въ Европу и Америку. Установленіе пошлины на пушнину, идущую изъ Монголіи и Маньчжуріи, не отпугнуло бы ее на китайскіе центральные рынки, а это поведетъ къ уменьшенію сбыта въ Маньчжурію и Монголію русскихъ товаровъ, такъ какъ пріобрѣтеніе пушнины имѣетъ мѣновой характеръ. Все добываемое въ Монголіи и Маньчжуріи количество соболя, поступающаго на русскій рынокъ, надо считать тысячъ въ десять (сансинскіе). Вѣсъ ихъ всѣхъ не составитъ 25 пудовъ. Чтобы сдѣлать фискъ интереснымъ для казны, надо пошлину установить огромную, а она сдѣлаетъ этотъ товаръ недоступнымъ для русскаго рынка и этотъ соболь уйдетъ на китайскіе рынки. Но потребителемъ какъ русскаго, такъ и китайскаго пушного товара является все же Европа и Америка. Мы лишимся предмета товаро-обмѣна, а цѣнности русскому соболю не поднимемъ, такъ какъ нашъ соболь и такъ разцѣнивается высоко за свое индивидуальное качество. Наконецъ, кумарскіе соболи добываются русскими казаками-промышленниками на китайскихъ гольцахъ, хотя промыселъ его тамъ становится затруднительнѣе, такъ какъ китайскія власти, не безъ препятствій, его допускаютъ.

Промышленникъ никогда не знаетъ цѣны добытаго звѣря, и таковой, въ большинствѣ случаевъ, поступаетъ или въ руки лавочника, который его закредитовываетъ подъ будущій про-

мыселъ или въ руки татаръ-узловиковъ [1]). Авторитетъ послѣднихъ, въ отношеніи правильной оцѣнки звѣря, стоитъ высоко въ глазахъ промышленника, и надо признать, что заслуженно, такъ какъ татары-узловики, хорошо освѣдомленные о цѣнахъ пушнины отъ своихъ хозяевъ, больше рискуютъ при выдачѣ оцѣнки. Въ послѣдніе годы посредники не зарабатываютъ на пушнинѣ тѣхъ легендарныхъ барышей, о которыхъ привычно думать. Дѣло въ томъ, что все чаще и чаще крупныя русскія и заграничныя фирмы стали рассылать за покупкою пушнины своихъ агентовъ въ самые глухіе уголки и на мѣстахъ, подъ вліяніемъ соперничества агентовъ между собою—съ одной стороны и въ виду умѣнія татаръ-узловиковъ заломить и выдержать цѣну съ другой—цѣны пушнины иногда держатся выше, чѣмъ на центральныхъ рынкахъ—въ Москвѣ и Иркутскѣ. Достаточнымъ примѣромъ служитъ нынѣшній годъ: на мѣстахъ съ открытіемъ же сезона начали сразу покупать бѣлку по 60—70 коп. за шкурку, не соображаясь ни съ качествомъ, ни съ сортомъ, а на центральномъ рынкѣ, въ Москвѣ, лежатъ безъ движенія огромные запасы, которые фирмы хотѣли бы продать даже съ убыткомъ, въ виду полнаго отсутствія сбыта заграницу и плохихъ перспективъ въ будущемъ.

Помимо уменьшенія количества звѣря, онъ ухудшается съ каждымъ годомъ и качественно. Составъ партій соболя становится все ниже, то же нужно сказать о бѣлкѣ, о лисицѣ и прочей пушнинѣ. Ухудшеніе состоитъ въ томъ, что процентъ недошедшихъ до полной опушки звѣрьковъ становится все больше и больше, а также и процентъ щенковъ. Въ соболѣ такой сортъ называется калтанами, въ бѣлкѣ—подпалью и горявками, въ лисицѣ—недолисью и тонкою лисицею. Причины этого явленія ясны: въ виду высокихъ цѣнъ на шкурки и уменьшенія количества звѣря, промышленники стали выходить на промыселъ все раньше и раньше, стараясь опередить одинъ другого, а въ виду жадности и неразборчивости мелкихъ агентовъ и скупщиковъ, промышленники не находятъ нужнымъ гнаться за качествомъ и не щадятъ ни щенятъ, ни самокъ въ періодъ щененія. Для предотвращенія этого печальнаго явленія нѣкото-

[1]) Конкурренція мѣстнаго лавочника и пріѣзжаго татарина-узловика устанавливаетъ цѣну для промышленника.

рыя сельскія общества на Ленѣ постановили не выходить на весенній промыселъ звѣря. Но гдѣ же сдержать узкую жадность отдѣльныхъ промышленниковъ, тѣмъ болѣе, что часто приводится такой основной доводъ, что промыселъ звѣря является подспорьемъ и запрещать его нельзя. Но казалось бы, что разъ это—подспорье, то тѣмъ болѣе нужно оберегать звѣря и разумно охотиться на него. Частную иниціативу, до которой сами дошли нѣкоторыя сельскія общества, нужно закрѣпить законодательнымъ актомъ, именно, что промыселъ разрѣшается для соболя только съ 1 октября до 15 января, а для бѣлки съ 1 октября до 15 февраля. Весенній же и лѣтній промыселъ безусловно воспретить. Вѣдь соблюдается же такой законъ въ отношеніи птицы и внѣдрился онъ въ сознаніе народа. Часть пушнины поступаетъ, и въ довольно значительномъ количествѣ, на базары въ городахъ. Необходимо вмѣнить въ обязанность базарнымъ смотрителямъ слѣдить, чтобы на рынкахъ не продавалась недошедшая пушнина и карать торговцевъ штрафомъ. Что дѣло съ ухудшеніемъ пушнины и уменьшеніемъ ея приняло критическій оборотъ, указываетъ результатъ совѣщанія въ ирбитской ярмаркѣ 1910 года торговцевъ пушниною, на которомъ постановлено просить Правительство закономъ воспретить на 2 года промыселъ соболей совершенно. Ходатайство направлено въ Государственную Думу.

Далѣе, однимъ изъ золъ, губящихъ цѣннаго звѣря, надо считать лѣсные пожары. Мѣры борьбы съ ними послужатъ и къ сохраненію пушного промысла [1]).

Чтобы время отъ времени регулировать въ томъ или иномъ районѣ промыселъ пушного звѣря, необходимо при ярмарочныхъ комитетахъ въ Нижнемъ и въ Ирбитѣ и въ другихъ центрахъ учредить отдѣлы, вѣдающіе это дѣло ближе. Кромѣ того, такъ какъ пагубное отношеніе къ промыслу звѣря проистекаетъ изъ невѣжества промышленниковъ, то необходимо народныя школы промысловыхъ районовъ снабжать популярными брошюрами о необходимости беречь звѣря и тайгу. Сохраняя послѣдніе—промышленники сохранятъ свое благосостояніе.

---

[1]) Запрещеніе для охоты нѣкоторыхъ лѣсовъ тоже имѣло бы благопріятныя послѣдствія. Такіе лѣса послужили бы питомниками звѣря.

Свѣдѣнія, данныя фирмой Г. Шафигуллина въ Иркутскѣ.

Торговцы пушниной въ Иркутскѣ различаютъ слѣдующіе сорта дальневосточнаго соболя: баргузинскій, амурскій, сахалинскій, сансинскій и трактовый. Лучшимъ считается баргузинскій, худшимъ—трактовый. Сорта бѣлки: нерчинская, баргузинская, чикойская и аргунская. Лучшею считается нерчинская, аргунская и чикойская, худшею—ленская.

Цѣна бѣлки сильно пала и въ настоящее время покупается лучшая бѣлка по 50 копѣекъ, а худшая—по 40 копѣекъ.

Соболь въ продажу еще не поступалъ. Въ прошлый сезонъ амурскій соболь партійно разцѣнивался по 40—45 рублей. Среди баргузинскихъ соболей встрѣчались наилучшіе—цѣною до 1.000 рублей.

Паденіе цѣнъ очень сильное и вызывается искусственнымъ вздутіемъ ихъ за прошлые годы и общимъ кризисомъ пушного дѣла.

Добыча бѣлки и соболя сильно уменьшилась за послѣднее десятилѣтіе. Особенно уменьшилась добыча соболя. Такъ, по рѣкѣ Чикою раньше покупалось ежегодно до 2.000 шт. соболей, а въ прошломъ году купленъ всего одинъ соболь. Теперь соболь идетъ преимущественно съ Амура, но и тамъ онъ такъ хищнически истребляется, что черезъ 2—3 года, навѣрно, тоже совсѣмъ исчезнетъ. Баргузинскій соболь теперь тоже составляетъ большую рѣдкость и цѣнится очень высоко.

По Витиму раньше добывалось до 6.000 соболей, а теперь не болѣе 40—50. Бѣлка уменьшилась не такъ значительно, въ среднемъ, процентовъ на 20.

На 1 пудъ соболя идетъ 150—200 и болѣе штукъ, смотря по качеству: чѣмъ лучше соболь, тѣмъ онъ тяжеле.

Кромѣ этихъ главныхъ предметовъ пушного промысла, добывается въ большомъ количествѣ колонокъ, преимущественно въ Маньчжуріи, цѣна его 1 р.—1 р. 50 к. за штуку. Препятствіемъ значительному ввозу его является высокая пошлина.

Крупнѣйшимъ промысломъ является тарбаганій въ Маньчжуріи и прилегающей къ ней части Забайкалья. Добыча нынѣшняго года до 1.000.000 штукъ, цѣною до 1 руб. 20 коп. за шт. Центръ покупки—станція Маньчжурія. Лисицы, кромѣ Маньчжуріи и Иркутской губерніи, добывается до 6.000 шт. Ее очень много въ Маньчжуріи, но ввозъ, благодаря пошлинѣ, незначительный. Лучшая красная (огневка) покупалась по 15 рублей, средняя—6—7 рублей.

Въ партіи соболя тысячные соболя не попадаютъ. Они продаются поштучно, какъ рѣдкое исключеніе. Въ партіи изъ 1.000 соболей—въ 500 руб. 1—2 штуки, отъ 300 до 500—отъ 2 до 5 штукъ, въ 300 руб.—не болѣе пяти штукъ, отъ 100 до 300 рублей—25%, остальные—менѣе 100 рублей.

За послѣднія 10 лѣтъ цѣны на соболь поднялись. Напримѣръ, Тункинскій соболь доходилъ до 60 рублей партійно; въ текущемъ году онъ снова палъ до 45 рублей. Бѣлка ранѣе была 10—22 коп., а затѣмъ поднялась до 35 коп., въ прошломъ же году доходила до 80 коп., а нынче опять пала до 45—50. Цѣна соболя и бѣлки у охотниковъ теперь немного дешевле, чѣмъ у оптовиковъ—процентовъ на 10—15, не болѣе, а иногда даже и дороже. Причина — незнаніе условій рынка мелкими скупщиками. Шафигуллины считаютъ особенно вредной для пушного промысла пошлину, взимаемую китайскимъ правительствомъ съ ввозимыхъ изъ Маньчжуріи мѣховъ, благодаря которой обширный и дешевый рынокъ скупки для русскихъ пушниковъ оказывается закрытымъ совершенно, и пушнина идетъ не на Иркутскъ, а черезъ порты—за-границу. Особенно пошлина вредна для пушного дѣла теперь, когда,

вслѣдствіе хищническаго истребленія звѣря, цѣннаго товара на рынкѣ мало.

Изъ мѣръ къ поднятію пушного дѣла считаютъ необходимымъ, кромѣ пониженія или уничтоженія пошлины, запрещеніе охоты на соболя и бѣлки весной, каковую разрѣшать не ранѣе октября, и организацію надлежащаго надзора за проведеніемъ этой мѣры.

Количество мѣховъ на рынкѣ за послѣдніе годы Шафигуллины затрудняются опредѣлить. Хабаровскъ вмѣстѣ съ Санъ-Синомъ давалъ прежде 22 тысячи штукъ соболей, а въ прошломъ году весной до 8 тысячъ штукъ и немного зимой и притомъ Санъ-Синскаго соболя на рынкѣ почти не было. Бѣлки въ Хабаровскѣ покупаютъ мало.

Въ Забайкальѣ въ прошломъ году было закуплено 600 тысячъ штукъ бѣлки и 2.000 штукъ соболей. Прежде покупалось гораздо болѣе.

Кромѣ Шафигуллиныхъ, крупными скупщиками въ Иркутскѣ являются А. И. Громова и Я. Б. Патушинскій. Мелкихъ скупщиковъ очень много. Сверхъ того, за послѣдніе годы наѣзжаетъ изъ Россіи и заграницы много случайныхъ скупщиковъ, скупка которыхъ не поддается учету. Они останавливаются въ гостинницѣ на 1—2—3 недѣли и тутъ дѣлаютъ скупку. Это сильно сбило цѣны у оптовиковъ, по сравненію съ мелкими непосредственными скупщиками и охотниками, почему разница цѣнъ оптовиковъ и у охотниковъ такъ мала.

Записка В. И. Рубинскаго „Соболиный промыселъ на Дальнемъ Востокѣ“.

Литература о соболѣ и соболиномъ промыслѣ на Дальнемъ Востокѣ обширна, но данныя, разбросанныя въ трудахъ разныхъ изслѣдователей, въ большинствѣ случаевъ, отрывочны и относятся къ отдѣльнымъ небольшимъ районамъ, или же слишкомъ стары. Спеціальныхъ изслѣдованій не было.

При работахъ по обслѣдованію Приморской области въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, мы попутно знакомились съ соболинымъ промысломъ, насколько это было возможно безъ особой затраты времени; промыселъ же на Камчаткѣ изученъ нами довольно подробно. Собранныя такимъ путемъ данныя, въ связи съ существующей литературой, и являются предметомъ дальнѣйшаго изложенія.

Первоначальная область распространенія соболя захватывала весь сѣверъ Россіи и всю Сибирь, вплоть до Берингова моря; сѣверная граница совпадала съ границей распространенія лѣсовъ, а на югѣ—съ границей хвойныхъ лѣсовъ—тайги. Подъ вліяніемъ поступательнаго движенія человѣка въ глубь лѣсовъ, мало-по-малу область эта суживалась. Сабанѣевъ [1]) въ началѣ семидесятыхъ годовъ уже считалъ западной границей распространенія соболя Уральскій хребетъ, въ настоящее время она отодвинулась до р. Енисея; западнѣе соболь встрѣчается только спорадически и предметомъ промысла не слу-

---

[1]) Л. П. Сабанѣевъ. Соболь и соболиный промыселъ. 1875 г.

житъ. Сѣверная граница, постепенно отодвигаясь на югъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходитъ уже границу высокоствольнаго лѣса—тайги. На югѣ соболь оттѣсняется къ сѣверу по мѣрѣ того, какъ хвойные лѣса вытѣсняются лиственными; граница его распространенія совпадаетъ съ границей хвойныхъ лѣсовъ.

Въ Приморской области въ настоящее время соболь живетъ на хребтѣ Сихота-Алинь и его отрогахъ, начиная отъ вершинъ р.р. Сучана и Даубихэ до сѣверной оконечности; далѣе, за р. Амуромъ, онъ занимаетъ Удскій уѣздъ съ Шантарскими островами и все лѣвобережное пространство Амура, переходя въ Якутскую область, гдѣ собирается, главнымъ образомъ, по склонамъ Яблоноваго хребта. По какимъ-то непонятнымъ причинамъ, соболь избѣгаетъ Охотскую и Гижигинскую округи (въ послѣдней встрѣчается въ самомъ незначительномъ количествѣ) и вновь появляется на Камчаткѣ.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ предѣловъ распространенія соболя, идетъ уменьшеніе его. Высокоцѣнный звѣрь всегда привлекалъ къ себѣ большое число промышленниковъ, а сѣверныя полудикія племена издавна основывали на добычѣ соболя все свое благосостояніе и истребляли его безпощадно, не ограничивая времени промысла. Истребляли его и лѣсные пожары, явившіеся слѣдствіемъ проникновенія русскихъ людей въ лѣсныя пространства края, наконецъ, громадное вліяніе на уменьшеніе соболя имѣла замѣна хвойныхъ лѣсовъ лиственными. Съ измѣненіемъ лѣсовъ измѣнялась и фауна,—появлялись новые виды, вытѣсняющіе прежнихъ обитателей. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же закономъ, который управляетъ и человѣческими расами. Видъ болѣе выносливый, невзыскательный на пищу и мѣсто обитанія вытѣсняетъ видъ менѣе устойчивый.

Особенно быстрое истребленіе замѣчается въ такихъ изолированныхъ мѣстахъ, какъ Камчатка, отдѣленная отъ материка обширной безлѣсной тундрой—Парапольскимъ доломъ, или на островахъ, гдѣ, съ постепеннымъ возрастаніемъ цѣнъ на соболя, усиливается охота на него, убыль же не можетъ пополняться пришлымъ соболемъ.

Соболь ведетъ полукочевой образъ жизни. Любимымъ мѣстопребываніемъ его служатъ каменистые хребты и узкія скалистыя вершины рѣчныхъ долинъ съ зарослями кедра или

кедроваго сланца. Въ годы плохого урожая кедровыхъ орѣховъ, онъ спускается въ долины съ березовой порослью и ягодными кустарниками. Иногда, въ поискахъ за пищей, предпринимаетъ дальнія путешествія, слѣдуя за бѣлкой или за мышами, которыя время отъ времени кочуютъ.

Кочующаго соболя на Камчаткѣ называютъ проходнымъ въ отличіе отъ мѣстнаго—«жителя».

«Житель», въ большинствѣ случаевъ, старый соболь, хорошо изучившій мѣстность, поэтому онъ легче находитъ себѣ пищу около дома и не нуждается въ дальнихъ путешествіяхъ. Правда, промышленники замѣчали, что и «житель» иногда уходитъ съ проходнымъ соболемъ, но не далеко, и вскорѣ возвращается обратно.

Пробѣгая большія разстоянія по лѣсной чащѣ, густыми кустарниками, укрываясь отъ опасности и для сна подъ первую попавшуюся колодину, проходной соболь изнашиваетъ свою пушистую шерсть, а потому шкурка его цѣнится дешевле шкурки «жителя».

Въ годы большого урожая кедровыхъ орѣховъ весь соболь бываетъ плохого качества, такъ какъ, постоянно живя въ кедровникахъ, онъ пачкаетъ шерсть смолой, обрываетъ ость, а иногда и значительные клочки съ пухомъ. Кромѣ того, въ кедровникахъ соболь легко укрывается отъ преслѣдователя, меньше бѣгаетъ по лѣсу, гдѣ на него расставляются ловушки, вслѣдствіе чего и промыселъ бываетъ плохой. Плохой уловъ бываетъ и въ вѣтряныя зимы; вѣтеръ заметаетъ слѣды соболя, забиваетъ толстымъ слоемъ ловушки, благодаря чему послѣднія или сами собой закрываются, или же становятся нечувствительными при проходѣ соболя чрезъ насторожку.

Самый благопріятный годъ для промысла соболя—когда плохой урожай орѣховъ и ягодъ, тихая безвѣтренная погода съ мелкимъ, но часто выпадающимъ снѣгомъ, на которомъ соболь оставляетъ свой слѣдъ.

Лучшимъ по качеству шкурки на Дальнемъ Востокѣ считается камчатскій соболь, обладающій густой, пушистой и длинной шерстью, хотя и не особенно темной окраски, за нимъ слѣдуютъ амурскій, уссурійскій и сахалинскій соболь. Конечно, въ отмѣченныхъ районахъ имѣется масса варіацій. Иногда

соболь, пойманный въ вершинахъ Бикина или Хора, оказывается лучше камчатскаго или якутскаго; якуты, скупающіе соболей на р.р. Удѣ, Амгуни, Горюнѣ, лучшіе экземпляры выдаютъ за якутскихъ соболей, имѣющихъ высокую цѣну на міровомъ рынкѣ. Качество соболя, очевидно, зависитъ отъ естественныхъ условій его мѣстообитанія и отъ пищи. Миддендорфъ [1]) высказываетъ положеніе, что чѣмъ низменнѣе мѣстность, тѣмъ звѣрь имѣетъ большій ростъ и болѣе свѣтлую шерсть; чѣмъ сѣвернѣе, чѣмъ дальше въ глубь материка и выше въ горахъ водится онъ — тѣмъ сильнѣе блескъ его шерсти, темнѣе окраска.

Цѣнность соболя зависитъ отъ окраски, густоты и пушистости шерсти; чѣмъ темнѣе, гуще и ровнѣе шерсть, тѣмъ дороже шкурка. Особенно цѣнятся старые соболя интенсивно черной ровной окраски съ свѣтло-коричневымъ горловымъ пятномъ; иногда у такихъ соболей сѣдая серебристая ость. Менѣе цѣнные соболя имѣютъ черную окраску шерсти только на спинѣ, а бока и брюшко свѣтлѣе. Молодые экземпляры, часто довольно ровной свѣтло-бурой окраски, малоцѣнны. Вообще цѣнность шкурки зависитъ отъ многихъ причинъ, и скупщикъ всегда находитъ какой-либо недостатокъ, чтобы понизить стоимость, наоборотъ, промышленникъ отыщетъ особенныя достоинства, повышающія цѣнность ея. Не малую роль въ цѣнѣ играетъ и величина шкурки, будучи въ большинствѣ случаевъ, обратно пропорціональна ея качеству.

Соболь норъ не дѣлаетъ, а занимаетъ случайныя углубленія подъ корнями дерева, нору бурундука, дупло дерева или со всѣхъ сторонъ защищенное мѣсто между камнями. Постель у него очень неприхотлива: нѣсколько листьевъ, мелкихъ вѣтокъ или мховъ—вотъ и все.

Докторъ Слюнинъ [2]), описывая камчатскаго соболя, между прочимъ указываетъ на способность его не только дѣлать норы для жилья, но и вырывать запасные магазины для съѣстныхъ припасовъ; постель же свою, будто бы, онъ обильно устилаетъ мягкой травой. Очевидно, авторъ былъ введенъ кѣмъ-то въ заблу-

---

[1]) А. Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. 1869 г.

[2]) Д-ръ Н. В. Слюнинъ. Охотско-Камчатскій край. 1900 г.

жденіе. Намъ пришлось видѣть одно гнѣздо соболя въ корняхъ дерева, оно было описаннаго нами типа; опросомъ камчатскихъ охотниковъ положительно установлено, что никто изъ нихъ не видалъ не только запасныхъ магазиновъ, но и простыхъ норъ соболя. Да и самъ авторъ чрезъ нѣсколько страницъ косвенно опровергаетъ себя, говоря: «соболь не отличается привязанностью ни къ мѣсту, ни къ семейному очагу..... плодится онъ тамъ, гдѣ живетъ и гдѣ находитъ кормъ».

Линяетъ соболь на Камчаткѣ въ концѣ марта и въ апрѣлѣ; новая шерсть вырастаетъ окончательно въ первой половинѣ октября, когда и начинается промыселъ. Въ другихъ мѣстностяхъ намъ не удалось установить время линьки; въ Уссурійскомъ краѣ, надо полагать, линяетъ раньше.

Спаривается, или, какъ чаще говорятъ промышленники, «бѣгается» соболь въ концѣ февраля или началѣ марта. Это время самое добычливое для промышленника: въ любовномъ экстазѣ соболь совершенно забываетъ объ опасности и становится мало осторожнымъ, много бѣгаетъ и слѣдитъ больше за своей подругой, чѣмъ за преслѣдователями.

Въ концѣ апрѣля или началѣ мая самка приноситъ отъ 2 до 6 дѣтенышей. Изрѣдка на Камчаткѣ находятъ гнѣзда по 7 и даже 8 дѣтенышей. Первое время дѣти питаются молокомъ матери и изъ гнѣзда не выходятъ, затѣмъ мать начинаетъ приносить въ гнѣздо мышей и другихъ мелкихъ животныхъ. Съ матерью они долго не разлучаются, еще въ началѣ осени по слѣдамъ на снѣгу промышленники замѣчаютъ матку, бѣгающую со всѣмъ гнѣздомъ; только въ половинѣ зимы дѣти оставляютъ мать для самостоятельной жизни.

Продолжительность жизни соболя намъ установить опросомъ промышленниковъ не удалось, извѣстно только, что соболь вырастаетъ и становится промысловымъ въ первый же годъ своей жизни; половой зрѣлости достигаетъ на второмъ году жизни.

Питается соболь орѣхами, ягодами рябины, боярки, жимолости, затѣмъ мышами, бѣлкой, бурундуками, птицей, рыбой; иногда ему удается загрызть и соннаго зайца. Не смотря на малый ростъ, соболь сильный и ловкій звѣрекъ, отличающійся малой чувствительностью. Попадая въ капканъ одной ногой,

онъ его утаскиваетъ за собой далеко, а если капканъ привязанъ, перегрызаетъ себѣ ногу и уходитъ.

Соболинымъ промысломъ на Дальнемъ Востокѣ занимаются главнымъ образомъ инородцы: тазы, гольды, орочены, негидальцы, гиляки, тунгусы, камчадалы, коряки, чукчи и иностранцы: китайцы, корейцы, японцы. Русскихъ промышленниковъ мало; занимаются только такіе, которые, живя издавна среди инородцевъ, переняли образъ жизни и привычки послѣднихъ, какъ напримѣръ, русскіе на Камчаткѣ, или предпріимчивые старообрядцы, оцѣнившіе выгодность промысла. Въ этомъ случаѣ не сбылось предсказаніе Р. Маака[1]), который, говоря о томъ, что соболиный промыселъ въ Уссурійскомъ краѣ находится въ рукахъ китайцевъ, добавляетъ: «Но по всей вѣроятности, обстоятельства скоро измѣнятся: русскіе поселенцы дѣятельно примутся за этотъ промыселъ и число соболей быстро уменьшится».

Причину уступки русскими выгоднаго промысла инородцамъ и иностранцамъ мы видимъ, во-первыхъ, — въ малонаселенности края, благодаря чему русскій, если онъ обладаетъ хотя небольшой энергіей, всегда находитъ выгодный и легкій заработокъ, вполнѣ его обезпечивающій, а во-вторыхъ — въ трудныхъ условіяхъ промысла, къ тому же требующаго продолжительной отлучки изъ дома; пока русское населеніе уплотнится, китайцы и инородцы, несомнѣнно, истребятъ соболя.

Русскіе старожилы побережья и нѣкоторые переселенцы предпочитаютъ охоту на крупнаго звѣря: оленей, кабановъ, козъ, медвѣдей и даже тигровъ. Эта охота требуетъ несравненно меньше времени и не менѣе выгодна.

Количество промышляемаго ежегодно соболя на Дальнемъ Востокѣ точно установить нельзя, такъ какъ правильной регистраціи не ведется; кромѣ того, на ряду съ русскими подданными, какъ сказано выше, промышляютъ и иностранные хищники, скупая въ то же время пушнину у нашихъ охотниковъ, если таковые оказываются на мѣстахъ охоты; конечно, добычу хищниковъ и скупку ихъ учесть нельзя.

---

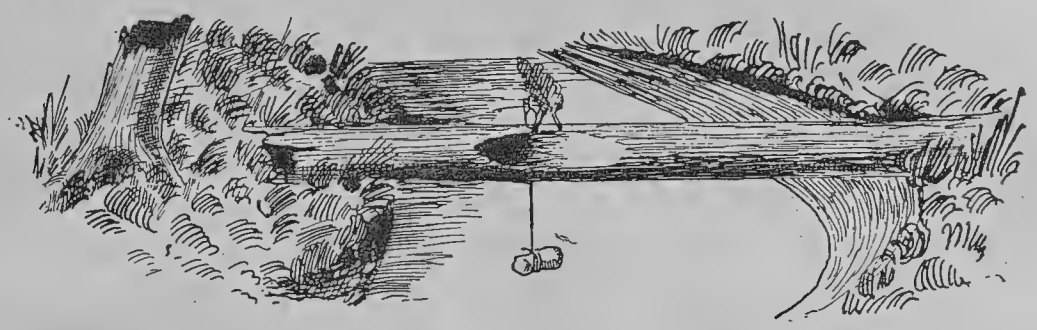
[1]) Р. Маакъ. Путешествіе по долинѣ р. Уссури. 1861 г.

Мѣста обитанія соболя какъ то сами собой подѣлились на промысловые районы, захваченные одной какой-нибудь народностью, примѣняющей свои особые способы лова и имѣющей своихъ скупщиковъ.

Въ южной оконечности хребта Сихота-Алинь, въ вершинахъ р. р. Сучана и Даубихэ промышляютъ корейцы, проникающіе сюда изъ Посьетскаго участка чрезъ фанзы своихъ соотечественниковъ—арендаторовъ крестьянскихъ земель по р. Сучану съ одной стороны и по р. Даубихэ—съ другой.

У корейцевъ два способа лова соболя и бѣлки: обычный ихъ способъ—петлями и заимствованный у китайцевъ—плашками.

Петли устраиваются такъ: пользуясь тѣмъ, что соболь и бѣлка, въ поискахъ за пищей, часто перебѣгаютъ съ одного берега рѣки на другой по упавшимъ черезъ рѣку деревьямъ,



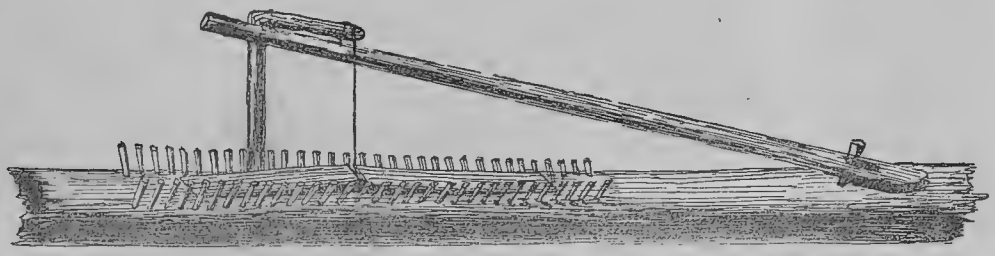
корейцы на такихъ валежинахъ, или нарочно срубленныхъ деревьяхъ, устраиваютъ ловушки. Промышленникъ обтесываетъ съ обѣихъ сторонъ дерево, утоньшая его въ мѣстахъ установки петли такъ, чтобы не дать звѣрьку обойти петлю, вбиваетъ по краямъ обтесовъ два тонкихъ колышка, въ разстояніи 1½—2 вер. одинъ отъ другого, а между ними ставитъ петлю изъ нитки крученыхъ конскихъ волосъ. Къ свободному концу нитки привязываютъ камень, петля же прикрѣпляется къ бревну насторожкой. Рядомъ съ петлей втыкается въ бревно вѣтка дерева, загораживающая пространство надъ петлей и мѣшающая звѣрьку перескочить черезъ нее. Такимъ образомъ въ тонкомъ мѣстѣ бревна остается только одинъ свободный проходъ—черезъ петлю; просовывая въ нее голову, соболь или бѣлка неизбѣжно задѣваютъ нитку, насторожка срывается, камень падаетъ въ воду,

увлекая за собой звѣря съ затянутой на шеѣ петлей. Мѣсто въ рѣкѣ выбирается не особенно глубокое такъ, чтобы, звѣрекъ, плавая не могъ поднять изъ воды голову и, лишенный возможности дышать, скорѣе погибъ. Петлей можно ловить звѣря только съ осени до рѣкостава, когда же встанетъ рѣка, соболь и бѣлка перебѣгаютъ ихъ уже прямо по льду.

Китайскій способъ ловли - плашками, примѣняемый въ этомъ районѣ нѣкоторыми корейцами, даетъ возможность ловить почти всю зиму.

Плашки устраиваются на упавшемъ или нарочно срубленомъ толстомъ деревѣ, въ которое вбиваются сверху два ряда клиньевъ, въ разстояніи одинъ отъ другого менѣе вершка и съ наклономъ въ разныя стороны, такъ что при основаніи одинъ рядъ отъ другого отстоитъ вершка на 2, а между верхними концами больше. Вышина клиньевъ до 1/4 арш. Между рядами клиньевъ кладется тонкое бревно вершковъ двухъ въ діаметрѣ и арш. 5 длины. Конецъ бревна, выходящій за клинья, прибивается къ толстому бревну однимъ клиномъ, на которомъ тонкое бревно вращается, какъ на шарнирѣ, приподнимаясь и опускаясь свободнымъ концомъ. Рядомъ съ толстымъ бревномъ при свободномъ концѣ вращающагося бревна, вбивается крюкъ въ видѣ трости съ длинной ручкой, для этого выкапывается молодое дерево, корни обрубаются за исключеніемъ одного, который и изображаетъ крюкъ. Крюкъ забивается на высотѣ аршина надъ толстымъ бревномъ, на концѣ его привязывается нитка, скрученная изъ конскихъ волосъ, на другомъ же концѣ нитки привязывается палочка для насторожки. Въ свободный конецъ бревна вбивается тоже небольшой крюкъ. Чтобы установить насторожку, конецъ вращающагося бревна поднимается, нитка задѣвается за крюкъ на вращающемся бревнѣ и, перекинутая черезъ большой крюкъ, спускается къ толстому бревну, до котораго не доходитъ на вершокъ; здѣсь и устанавливается насторожка при помощи двухъ дощечекъ, положенныхъ между клиньевъ. Соболь, пробѣгая по колодинѣ съ плашкой, попадаетъ между вбитыми кольями, и какъ только наступитъ на дощечки, насторожка срывается, вращающееся бревно падаетъ, придавливая звѣрька. Клинья не позволяютъ ему выбраться въ сторону или сбросить съ себя тонкое бревно и защищаютъ

отъ хищныхъ звѣрей, которые до прихода промышленника могутъ поживиться соболемъ.



Сколько въ описанномъ районѣ промышленниковъ, какое количество добывается ими пушнины, и куда она сбывается— намъ установить не удалось, такъ какъ здѣсь мы были въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда промыселъ не производился, и корейцевъ въ тайгѣ не было. Ни литературныхъ, ни оффиціальныхъ данныхъ по этому району нѣтъ. Всего по тропѣ изъ деревни Виноградовки (на р. Даубихе) до деревни Молчановка (на р. Сучанѣ) мы встрѣтили три довольно большихъ корейскихъ звѣроловныхъ фанзы.

Въ районѣ, примѣрно, отъ широты залива Св. Ольги къ сѣверу до залива Св. Александра, на восточной сторонѣ хребта Сихота-Алинъ, промышляютъ китайцы и, находящіеся въ экономической отъ нихъ зависимости, тазы, а на западныхъ склонахъ Сихота-Алина—гольды и орочены. Правда, и на западной сторонѣ хозяевами дѣла до 1907 года были китайцы, проживавшіе въ верховьяхъ р.р. Имана и Вака, гдѣ они вели небольшія земледѣльческія хозяйства и торговлю. Китайцы снабжали ороченъ, живущихъ вдали отъ торговыхъ пунктовъ, всѣми необходимыми жизненными припасами, обмѣнивая ихъ на пушнину. Полудикари орочены, не имѣющіе своей письменности, не знающіе счета, быстро становились должниками китайца и выйти изъ этого положенія имъ уже не удавалось. За долгъ китаецъ отбиралъ у орочена весь его промыселъ, при неудачной же охотѣ дѣлалъ отсрочку платежа съ надбавкою до 50%. Если ороченъ продавалъ хотя одну шкурку кому-либо другому, помимо китайца-кредитора, послѣдній немедленно требовалъ полной уплаты долга, а при несостоятельности орочена, заби-

ралъ все его состояніе, даже жену, и только послѣ усиленныхъ просьбъ, возвращалъ обратно, набавляя на долгъ новый процентъ.

Китайцы подѣлили между собой территорію охоты и охотниковъ ороченъ, и перехода должниковъ отъ одного хозяина къ другому не допускали.

Власть китайца надъ своими должниками была неограничена. За непослушаніе, плохую добычу, лѣность ихъ били палками, отнимали женъ для себя или продажи другому орочену; дѣло доходило даже до казни. Маакъ свидѣтельствуетъ, что «подобно приамурскимъ племенамъ, и туземцы уссурійской долины платятъ китайскому правительству ежегодную дань собольими шкурками. Китайскіе чиновники, живущіе при устьѣ р. Има (Имана), часто дѣлаютъ поѣздки вверхъ и внизъ по Уссури для сбора этой дани, причемъ обыкновенно, не обходится безъ притѣсненій и незаконныхъ поборовъ въ пользу собственнаго кармана собирателей». Надаровъ [1]), работавшій по Иману, Ваку, Бикину и Хору въ восьмидесятыхъ годахъ, подтверждаетъ это; по его словамъ, гольды и орочены, избавленные отъ повинности у насъ, платили маньчжурскимъ чиновникамъ ясакъ ежегодно въ размѣрѣ двухъ соболей съ каждой семьи. Конечно, сборъ ясака производился чрезъ тѣхъ же китайцевъ торговцевъ, которые старались внушить не знающимъ русскаго языка ороченамъ, что русскимъ властямъ до нихъ нѣтъ дѣла и что они подчинены только китайскимъ чиновникамъ. Подъ страхомъ смерти, голодный полуодѣтый ороченъ рыскалъ по хребтамъ въ поискахъ соболя и бѣлки, которые переходили въ руки китайцевъ и увозились за Уссури въ Маньчжурію и Китай. Такое положеніе продолжалось до 1907 года, когда генералъ-губернаторъ направилъ карательную экспедицію, выдворившую китайцевъ эксплоататоровъ. Въ какомъ положеніи дѣло въ настоящее время—сказать трудно.

Гольды, живущіе ближе къ русскимъ, находились въ меньшей зависимости отъ китайцевъ.

На побережьѣ Японскаго моря, гдѣ мы провели лѣто 1906 года, китайцы охотятся сами. Пушной промыселъ у

---

[1]) Надаровъ. Южно-Уссурійскій край. Изд. 1904 г.

большинства живущихъ здѣсь китайцевъ является главнымъ занятіемъ, наравнѣ съ земледѣліемъ. Китайцы примѣняютъ одинъ способъ ловли—плашками. Какъ только кончится уборка хлѣбовъ, примѣрно въ концѣ сентября, начинается переселеніе китайцевъ въ тайгу. На носилкахъ за плечами несутъ одежду, постель, провизію; болѣе состоятельные хозяева завозятъ провизію на лошадяхъ верхами. Въ вершинахъ рѣкъ побережья, по ту и другую сторону хребта Сихота-Алинъ, разбросана масса маленькихъ звѣровыхъ фанзъ, принадлежащихъ хозяевамъ земледѣльческихъ фанзъ на побережьѣ. Облюбовавъ мѣсто, хозяинъ посылаетъ одного или двухъ работниковъ строить фанзу и заготовить плашки, примѣрно штукъ 300—400 на промышленника. За время оборудованія промысла, рабочіе получаютъ жалованья отъ 15 до 20 рублей въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ, а осенью, съ начала октября, промышляютъ уже безъ жалованья, на правахъ половинщиковъ, но время ихъ лова на этихъ условіяхъ ограничено до 11 луны, т. е. до декабря мѣсяца. Въ началѣ декабря всѣ половинщики выходятъ изъ тайги праздновать начало новаго года и назадъ въ тайгу не возвращаются; если погода позволяетъ, промыселъ продолжаютъ сами хозяева или ихъ родственники, причемъ добыча уже не дѣлится съ половинщиками устроителями фанзъ и ловушекъ. Обычно къ этому времени выпадаютъ довольно глубокіе снѣга и хозяевамъ фанзъ нѣтъ расчета содержать работниковъ, такъ какъ ловъ становится плохой. Когда снѣгъ достигаетъ глубины ½ аршина, ловъ прекращается, тайга снова пустѣетъ. Промышленники-половинщики до слѣдующей осени нанимаются въ работники къ хозяевамъ земледѣльческихъ фанзъ, или на морскіе промыслы ловить капусту, трепанги и другія работы, или же уѣзжаютъ на родину. Рѣдкіе половинщики остаются на лѣто въ звѣровой фанзѣ, около которой устраиваютъ огородъ, заготовляютъ на зиму дрова, ловятъ рыбу; имѣющіе ружья охотятся на крупнаго звѣря.

Тазы, не имѣющіе собственныхъ средствъ, или вовсе не занимаются промысломъ, или поступаютъ въ работники къ богатому китайцу. Иногда тазъ бросаетъ свою фанзу и со всей семьей входитъ въ домъ китайца; послѣдній кормитъ и одѣваетъ всю семью, даетъ опій, табакъ и все необходимое, а

*

тазъ за это охотится въ пользу китайца-хозяина, или получаетъ отъ него опредѣленную плату за добытую пушнину и панты, которой и погашается долгъ за выданную провизію и одежду. Такой охотникъ все время бродитъ по тайгѣ, выходитъ изъ нея лишь за провизіей, для сбора опія, да къ новому году. Осенью онъ промышляетъ соболя и бѣлку, весной добываетъ панты, лѣтомъ бьетъ все, что попадетъ подъ руку, не щадя звѣря, убивъ оленя въ жаркое время, онъ беретъ отъ него только хвостъ и сухожилія, все остальное бросаетъ.

Зажиточные тазы рѣдкость; если такіе и встрѣчаются, то всегда наводятъ сомнѣніе—тазъ это или китаецъ, волею Ольгинскаго пристава, передѣланный въ таза. Такой тазъ по фамиліи Татянза живетъ въ долинѣ р. Тадуши, имѣетъ три земледѣльческихъ фанзы; въ одной, доставшейся ему по рѣшенію пристава, какъ выморочное имущество, живетъ онъ самъ, а въ двухъ другихъ—братъ и дядя. Китайцы увѣряли насъ, что Татянза ничего общаго не имѣетъ съ тазой, званіе это имъ куплено [1]) у пристава.

Татянза имѣетъ 5 человѣкъ постоянныхъ охотниковъ и большую звѣровую фанзу въ долинѣ р. Тютихэ. Ему же, по словамъ китайцевъ, принадлежитъ и лудёо по р. Сахобѣ.

Лудёо—это заборъ вышиною въ одну сажень, сдѣланный изъ валежника и бревенъ, перегораживающій поперекъ долину какой-либо рѣки. Черезъ каждыя 50 саженъ въ заборѣ оставлены проходы, въ которыхъ вырыты ямы съ бревенчатымъ срубомъ, глубиною и длиною по 4 арш. и шириною 1½ арш. Такая загородка съ ямами тянется верстъ на 5 и болѣе. Во время ловли звѣря всѣ ямы прикрываются камышемъ и маскируются, а впереди и позади ея устраиваются препятствія, въ видѣ колодины, или приподнятой надъ землею жерди. Проходящій звѣрь, встрѣтивъ заборъ, идетъ вдоль него до перваго отверстія, намѣреваясь пройти черезъ него, перепрыгиваетъ препятствіе и какъ разъ попадаетъ въ яму, изъ которой выбраться невозможно; здѣсь его добиваютъ и извлекаютъ наружу. Въ лудёо попадаетъ масса звѣря, который губится часто

[1]) Таза, какъ русскій подданный не платитъ за землю, не беретъ паспорта, имѣетъ право держать ружье для охоты,—все это китайцу стоитъ большихъ денегъ.

совершенно непроизводительно. На лудёо по рѣкѣ, впадающей въ бухту Пластунъ, намъ пришлось пробыть 4 дня, за это время въ ямы попалось: 2 изюбра, 3 кабана и 1 коза; китаецъ, жившій въ фанзѣ на лудёо, бралъ только шкуры и сухожилія ногъ, мясо же бросалъ, такъ какъ лѣтомъ сбыть его было некуда. Такихъ лудёо мы встрѣтили на побережьи три.

Какъ лудёо, такъ и звѣровыя фанзы китайцы усиленно скрываютъ: мы всегда находили ихъ случайно; если приходилось держать путь на звѣровую фанзу, встрѣчный китаецъ обязательно подъ разными предлогами отговаривалъ идти дальше. Лѣтомъ въ звѣровыя фанзы китайцы ходятъ рѣдко, поэтому къ нимъ нѣтъ ни тропъ, ни слѣдовъ. Хозяина фанзы вамъ никто не скажетъ, благодаря этому, учесть всѣ фанзы даже приблизительно, невозможно.

Старообрядцы д. Амагу (у мыса Бѣлкина), прекрасно владѣющіе китайскимъ языкомъ, между прочимъ занимаются скупкой пушнины у сосѣднихъ китайцевъ долины р. Такхемы, поэтому имъ хорошо извѣстны всѣ звѣровыя фанзы въ системѣ этой рѣки; по ихъ подсчету, въ 1905 году было 16 фанзъ съ 44 промышленниками. Рѣка Такхема не самая богатая соболемъ и бѣлкой; охотники всегда говорили, что вершины р. р. Фудина, Ното, Имана, Вака, Бикина несравненно богаче ея. Принимая размѣры промысла на этихъ рѣкахъ такіе же, какъ и на Такхемѣ и прибавляя еще рѣки побережья: Езыху, Мутуху, Тютихэ, и Тадушу, не уступающія по величинѣ и обилію звѣря р. Такхемѣ, количество промышленниковъ по этимъ 10 рѣкамъ опредѣлится, примѣрно, до 450 чел.

Кромѣ отмѣченныхъ, значительныхъ по величинѣ, рѣкъ, въ описанномъ районѣ имѣется еще 5 рѣкъ меньшаго размѣра, въ родѣ р. Амагу, въ системѣ которой въ 1905 году промышляли 11 старобрядцевъ и 1 таза, поймавшіе 70 соболей. Такимъ образомъ число промышленниковъ въ описываемомъ районѣ, безъ преувеличенія, можно считать въ 500 человѣкъ.

За сезонъ промысла въ 2—2½ мѣсяца одинъ промышленникъ добываетъ отъ 50 до 600 бѣлокъ и отъ 1-го до 8 соболей; чаще встрѣчается уловъ въ 300—400 бѣлокъ и 4—5 соболей. Бываютъ случаи набѣга соболя въ районъ какой-либо звѣровой фанзы, и тогда уловъ сильно поднимается; такъ одинъ

китаецъ съ работникомъ въ 1905 году по р. Такхемѣ поймалъ 32 соболя т. е. по 16 соболей на промышленника, но такіе уловы—рѣдкость. По даннымъ Маака, въ шестидесятыхъ годахъ, въ долинѣ р. Имана каждый промышленникъ добывалъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ до 50 шкурокъ. Еще лѣтъ 10—20 тому назадъ уловъ доходилъ до 600—700 бѣлокъ, 10—15 соболей на каждаго промышленника. Принимая за послѣдніе годы средній уловъ въ 350 бѣлокъ и 4½ соболя, находимъ, что въ описываемомъ районѣ ежегодно 500 охотниками убивается до 175.000 бѣлокъ и 2.250 соболей.

Вся эта пушина до 1903—1904 года шла исключительно и непосредственно на китайскій рынокъ; обыкновенно, шаланды съ китайскими купцами и охотниками изъ Шанхая или Чифу приходили на побережье осенью, зимовали въ устьѣ какой-либо рѣки, а весной, съ добытой и накупленной пушниной, шли обратно, не заходя въ наши порты. Шкурка бѣлки на мѣстѣ покупалась ими отъ 7 до 15 коп., а соболь отъ 5 до 15 руб. Съ 1903—1904 года, по случаю русско-японской войны, пріостановилось морское сообщеніе съ побережьемъ, сюда прибыли китайскіе купцы изъ Владивостока, въ то же время и цѣна пушины на міровомъ рынкѣ начала быстро подниматься.

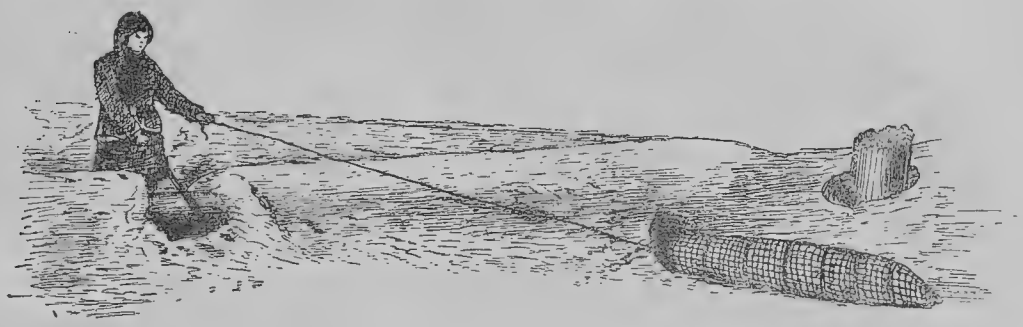
Завладѣвъ рынкомъ побережья съ 1904 года, Владивостокскіе купцы держатъ его и до сихъ поръ въ своихъ рукахъ, такъ что, минуя Владивостокъ, на китайскихъ шаландахъ уходитъ только часть пушнины, вѣроятно, незначительная.

Сѣвернѣе мыса Св. Александра въ море впадаетъ р. Найна, въ устьѣ которой стоитъ большая корейская фанза, промышляющая крабовъ для поставки въ сушеномъ видѣ на Владивостокскій рынокъ для китайцевъ и корейцевъ. Остающіеся на зиму 2 корейца въ долинѣ р. Найны промышляютъ соболя и бѣлку. Въ 1905 г. здѣсь, при помощи 250 петель, добыто 230 бѣлокъ и 3 соболя.

Въ 25 верстахъ сѣвернѣе Найны, по р. Амагу, въ 1900 г. поселилась одна семья старобрядцевъ изъ д. Петропавловки (на р. Даубихэ); вскорѣ явились новые переселенцы старообрядцы, а въ 1906 г. ихъ уже было 11 семей. Занимаются переселенцы земледѣліемъ, скотоводствомъ и охотой.

Старообрядцы промышляютъ соболя и бѣлку петлями, какъ

корейцы, и гономъ: нагоняя соболя по слѣду, убиваютъ его изъ ружья, или ловятъ сѣткой. Обыкновенно промышленники соединяются по два человѣка, ставятъ въ компаніи отъ 150 до 300 петель, которыми промышляютъ съ 10-го октября до первыхъ чиселъ ноября, пока не встанутъ рѣки. Послѣ рѣкостава, добываютъ съ ружьемъ или сѣткой. Замѣтивъ рано утромъ свѣжій слѣдъ соболя на снѣгу, охотникъ идетъ за нимъ на лыжахъ до мѣста, гдѣ онъ скрылся. Соболь почти всегда бѣгаетъ ночью по лѣсу, а къ утру прячется подъ колодину или въ дупло дерева. Если дупло высоко, охотникъ выгоняетъ звѣря на дерево и убиваетъ изъ ружья, если же звѣрекъ забрался подъ колодину на землѣ, охотникъ ставитъ у входа маленькую сѣтку съ обручами въ родѣ мѣшка, устье котораго стягивается веревкой (поводкомъ). Держа въ рукахъ конецъ



длиннаго поводка, промышленникъ отходитъ къ концу колодины и палкой начинаетъ выгонять изъ-подъ нея звѣря, слѣдя въ то же время за сѣткой. Соболь, замѣтивъ, что охотникъ отошелъ далеко отъ лазейки, пробуетъ выскочить и попадаетъ въ сѣтку охотникъ быстро дергаетъ за поводокъ, и сѣтка съ соболемъ запирается.

Послѣдній способъ лова весьма добычливъ. Разъ только охотникъ найдетъ слѣдъ, онъ всегда добудетъ соболя, ускользнетъ развѣ старый, хитрый соболь. Слѣдъ замѣтенъ хорошо только на свѣже выпавшемъ снѣгу, если же долго не выпадаетъ снѣга, а старый подъ дѣйствіемъ вѣтра сильно уплотнится, слѣды легкаго соболя замѣтны очень плохо, еще хуже при оттепели, когда снѣгъ покроется ледяной корой, тогда уже вовсе не видно слѣдовъ, и промыселъ на время прекращается.

Старообрядцы находятъ этотъ способъ лова самымъ добычливымъ и думаютъ, что если бы китайцы его примѣняли, то, при многочисленности и настойчивости, они быстро уничтожили бы соболя на всемъ побережьѣ.

Въ 1905 году 11 охотниковъ старовѣровъ и 1 таза, проживающій съ ними, добыли 70 соболей на сумму 2.800 руб. Старообрядцы соболей своей охоты, а также скупленныхъ у сосѣднихъ китайцевъ, продаютъ во Владивостокѣ.

Долинами двухъ рѣкъ—Найна и Амагу раздѣляются два обширныхъ промысловыхъ района; на югѣ, описанный выше районъ, занятый китайцами, тазами, иманскими гольдами, орочeнами, а на сѣверѣ, до верховьевъ притоковъ Амура, охотятся тазы, орочены, гольды и гиляки.

Отъ береговъ Амура соболь откочевалъ внутрь страны, поэтому всѣ право-бережные инородцы ходятъ промышлять или на морской берегъ къ Императорской Гавани и сѣвернѣе ея, или же въ вершины р.р. Хора, Бикина, Дондона и Хунгари.

Относительно охоты, въ частности—соболинаго промысла у инородцевъ Амура, слѣдуетъ замѣтить, что и понынѣ остается справедливымъ положеніе, высказанное академикомъ Шренкомъ [1]): «Охота составляетъ у нихъ (инородцевъ Амура) явленіе, находящееся въ прямой противоположности съ рыболовствомъ. По мѣрѣ удаленія отъ устья Амура, она пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія и по верховьямъ этой рѣки, и по притокамъ ея, наконецъ, превращается въ первое и главное условіе существованія тамошняго населенія. Такимъ образомъ, охота играетъ въ Верхне-Амурскомъ краѣ ту же роль, что рыболовство въ Нижне-Амурскомъ».

Способы лова у амурскихъ инородцевъ и инородцевъ побережья сѣвернѣе Императорской Гавани подробно описаны Шренкомъ и Маргаритовымъ, поэтому мы коснемся ихъ вкратцѣ.

Въ настоящее время самый распространенный способъ охоты, почти не употреблявшійся раньше—съ ружьемъ и собакой. Осенью, по мелкому снѣгу, собака быстро разыскиваетъ соболя, загоняетъ его на дерево, гдѣ охотникъ убиваетъ изъ

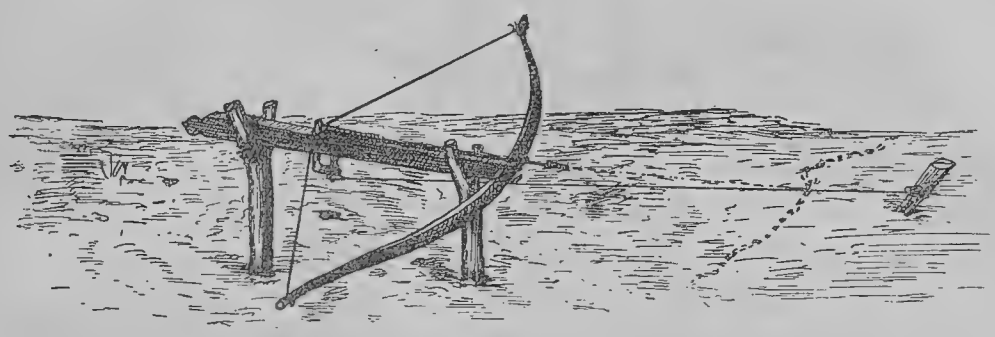
---

[1]) Л. Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго края. 1899 г.

ружья. Пока же не застынутъ рѣки, инородцы ставятъ петли, подобныя корейскимъ, съ той лишь разницей, что камень, увлекающій соболя въ воду, замѣняется здѣсь сукомъ дерева. Сукъ нагибается, къ концу его привязывается конецъ петли изъ конскихъ волосъ. Когда соболь попадется въ петлю, насторожка срывается, сукъ выпрямляется, и соболь виситъ на ниткѣ.

Зимой, во время глубокихъ снѣговъ, примѣняются разныя ловушки: самострѣлъ, черканъ, кулемка, капканъ и сѣтка.

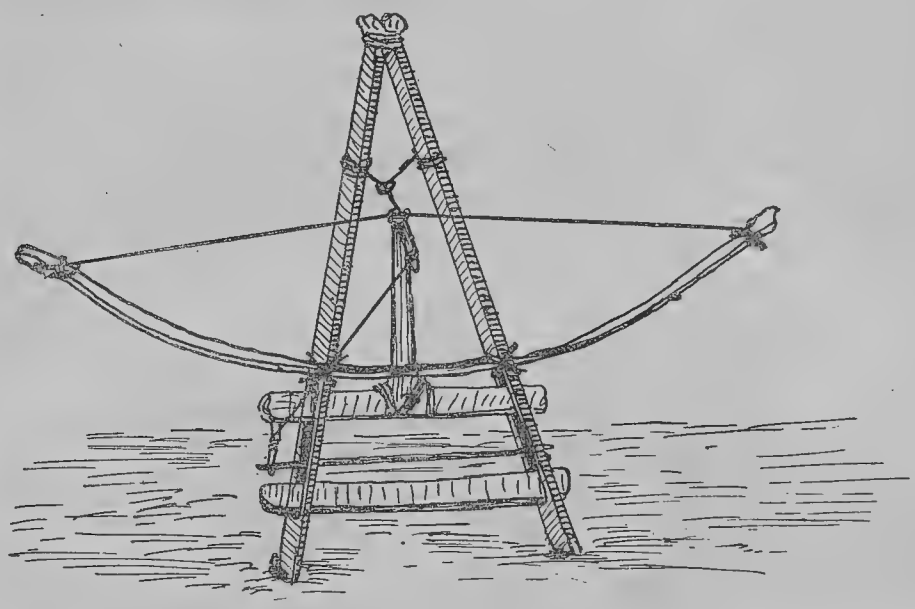
Самострѣлъ—это лукъ, срединой прикрѣпленный къ особому станку, на который кладется стрѣла. Лукъ натягиваютъ за тетиву и, при помощи особой насторожки, оставляютъ въ натянутомъ видѣ; къ насторожкѣ привязывается тонкая нить, протянутая черезъ тропу, проложенную соболемъ на снѣгу. Звѣрекъ, пробѣгая по тропѣ, задѣваетъ передними ногами за нить,



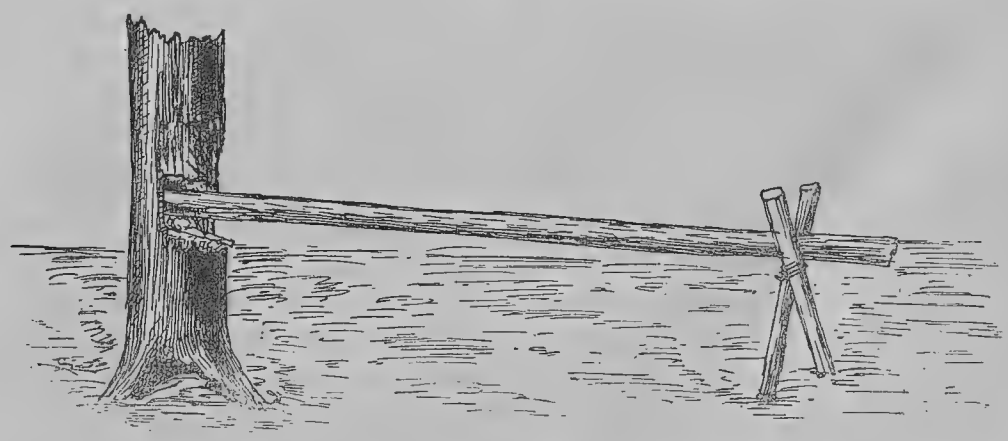
послѣдняя срываетъ насторожку съ тетивы, и стрѣла убиваетъ звѣрька; весь секретъ заключается въ правильной постановкѣ станка съ стрѣлой; нужно, чтобы стрѣла при выстрѣлѣ хорошо попала въ звѣря.

Черканъ—это тотъ же самострѣлъ, только станокъ устраивается иначе. Два бруска связываются въ одномъ концѣ, разводятся перекладиной въ другомъ, въ видѣ буквы А, между перекладинами и лукомъ, привязаннымъ выше, въ обоихъ брускахъ дѣлаются прорѣзы, въ которыхъ двигается другая перекладина, къ подвижной перекладинѣ прикрѣпляется перпендикулярно палка, замѣняющая стрѣлу, верхній конецъ этой стрѣлы привязанъ къ тетивѣ лука. Станокъ вертикально втыкается въ снѣгъ до поперечнаго скрѣпленія брусковъ, натянутый лукъ поднимаетъ передвижную перекладину, оставляя сво-

бодный проходъ подъ нею надъ поперечнымъ скрѣпленіемъ. Около этого прохода кладется приманка, закрытая съ трехъ сторонъ снѣгомъ, взять приманку можно только съ четвертой стороны, чрезъ проходъ подъ стрѣлой. Соболь, желая полакомиться, пытается проникнуть въ проходъ, задѣваетъ тонкую палочку съ насторожкой, тетива опускается и подвижная перекладина придавливаетъ звѣрька.



Самая вѣрная и наиболѣе распространенная ловушка—это кулемка.



Она устраивается такъ: въ дуплистомъ деревѣ на ½ с. отъ земли прорубаютъ окно, въ которое вкладывается тонкое

вершковъ пяти въ діаметрѣ и арш. 5 длиною бревно, другой конецъ бревна кладется на вбитые колья. Для насторожки бревно въ окнѣ поднимается и подпирается палочкой, нижній конецъ подпорки устанавливается на горизонтальной дощечкѣ съ приманкой на концѣ, вложенной въ окно дупла. Почуя запахъ приманки (обычно кусокъ юколы) звѣрекъ взлѣзаетъ по дереву и просовываетъ голову въ дупло, чтобы взять ее, но тутъ неизбѣжно задѣваетъ за подпорку, бревно падаетъ и придавливаетъ его къ краю окна.

Сѣтка устраивается и используется такъ же, какъ и старообрядцами на р. Амагу.

Тѣ же самые способы лова примѣняются и инородцами лѣваго берега р. Амура: тунгусами, негидальцами, гольдами и ороченами.

Въ этомъ районѣ соболь въ наибольшемъ количествѣ собирался въ вершинахъ р. Горюна и по склонамъ Хехцирскаго хребта, куда и стекаются, главнымъ образомъ, промышленники. Небольшіе промыслы идутъ въ вершинахъ Кура, Амгуни, въ окрестностяхъ Чакчагирскаго озера, по р. Удѣ и на Охотскомъ побережьѣ между Удой и Амуромъ.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ соболей осталось мало, почему инородцы ищутъ новые добычливые районы. Нѣкоторые предпріимчивые тунгусы уже переходятъ Амуръ для промысла въ вершинахъ р.р. Анюя, Хунгари и даже переваливаютъ на побережье. Несомнѣнно, тунгусы переселились бы навсегда въ этотъ богатый звѣремъ районъ, еслибы здѣсь былъ кормъ для ихъ оленей. Теперь же только богатые тунгусы, имѣющіе ѣздовыхъ собакъ, могутъ ходить сюда на промыселъ. Передвиженіе промышленниковъ по правой сторонѣ Амура совершается исключительно на собакахъ, запряженныхъ въ нарты. Инородецъ укладываетъ на нарту кормъ собакамъ, свою провизію, палатку, постель, запасную одежду и съ этимъ багажемъ отправляется на весь сезонъ; только съ ближнихъ мѣстъ промысла возвращаются домой за провизіей и кормомъ для собакъ, дальніе же охотники добываютъ все это на мѣстѣ.

Лѣвобережные тунгусы въ сезонъ охоты откочевываютъ съ оленями на пастбища, расположенныя около промысловыхъ

районовъ, откуда и ходятъ за соболемъ на лыжахъ. Негидальцы—народность осѣдлая и далеко отъ своихъ жилищъ на промыселъ не ходятъ.

Количество промышляемаго соболя какъ въ лѣвобережномъ Амурскомъ районѣ, такъ и въ правобережномъ опредѣлить чрезвычайно трудно даже приблизительно.

Литературныхъ данныхъ по этому вопросу нѣтъ, только Маргаритовъ даетъ нѣкоторое представленіе о количествѣ промышляемаго звѣря у орочей Императорской Гавани; онъ говоритъ: «Вполнѣ здоровый и рьяный охотникъ бьетъ въ годъ до 70 соболей, средней руки охотникъ до 40 соболей и лѣнивый или дряхлый до 10 штукъ»[1]). Быть можетъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, когда Маргаритовъ производилъ изслѣдованіе, дѣйствительно, было много соболей, но теперь этого нѣтъ. Средній уловъ здѣсь не болѣе 5—6 соболей на промышленника, добыча въ 10—20 соболей уже рѣдкость, заставляющая говорить о себѣ всю округу.

По оффиціальнымъ даннымъ можно, до нѣкоторой степени, судить о количествѣ добываемаго здѣсь соболя. Начальникъ Удскаго уѣзда въ 1907 году (надо думать сезонъ 1906/7 г.) опредѣляетъ добычу инородцевъ Удскаго уѣзда, т. е. жителей побережья сѣвернѣе Императорской Гавани, долины р. Уды, окрестностей Удыльскаго и Чагчагирскаго озеръ и жителей р. Амгуни—въ 1.827 соболей.

Инородцами, живущими по р.р. Хоръ, Кія, Анюй, Хунгари, Горюнъ, Куръ и Урми, по даннымъ крестьянскаго начальника Хабаровскаго уѣзда, добыто всякаго звѣря, главнымъ образомъ соболя въ сезонъ

1907/8.	на	109.000	руб.
1908/9.	»	62.260	»
1909/10.	»	78.865	»

Средній заработокъ семьи отъ звѣроловства этотъ крестьянскій начальникъ опредѣляетъ въ

1907/8.	193	руб.
1908/9.	110	»
1909/10.	150	»

[1]) В. П. Маргаритовъ. Объ орочахъ Императорской Гавани.

Изъ сопоставленія этихъ цифръ выходитъ, что промысломъ занималось:

1907/8	564	семьи
1908/9	566	»
1909/10	526	»

Полагая, что каждая семья выдѣляетъ только одного охотника и что нѣкоторые охотники по какимъ-либо причинамъ, напримѣръ за отдаленностью промысла, не охотились на соболя— число соболиныхъ охотниковъ въ описываемыхъ районахъ позволительно исчислить въ 500 человѣкъ. Добычу за послѣдніе года крестьянскій начальникъ опредѣляетъ отъ 1 до 6 соболей на охотника; слѣдовательно, всего въ отмѣченныхъ выше мѣстахъ добывается 500×3,5—до 1.750 соболей.

Такимъ образомъ, инородцами по р. Амуру и жителями побережья отъ Императорской Гавани до р. Уды включительно добывается всего около 3.600 соболей.

Вся эта добыча продается, въ большинствѣ случаевъ, на мѣстахъ пріѣзжающимъ скупщикамъ, и лишь небольшая часть поступаетъ непосредственно отъ охотниковъ на Николаевскій и Хабаровскій рынки.

На Уду, Амгунь и Горюнъ каждый годъ въ декабрѣ или январѣ являются якуты изъ Якутской области; на вьючныхъ оленяхъ они везутъ съ собой всевозможные товары для обмѣна на пушнину. Устраиваютъ здѣсь 2—3 ярмарки, на которыхъ привезенный товаръ мѣняется на пушнину. Обычный путь якутовъ таковъ: сначала идутъ на р. Уду, съ нея переваливаютъ черезъ хребетъ на Амгунь, въ урочище Гугу или выше, проходятъ вверхъ по Амгуни, затѣмъ рѣкой Керби выходятъ въ вершины р. Горюна и отсюда, переваливая Яблоновый хребетъ, уходятъ въ Якутскую область. Русскихъ и китайскихъ скупщиковъ здѣсь бываетъ мало.

Въ нѣкоторыхъ инородческихъ стойбищахъ по р. Амуру живутъ китайцы-торговцы, ведущіе оживленную торговлю съ инородцами.

Охотно отпуская въ кредитъ товары, эти истинные пауки Дальняго Востока, захватившіе въ свои руки всю мелочную торговлю не только среди инородцевъ, но и у всего русскаго на-

селенія получаютъ отъ инородцевъ, большую часть добытой ими пушнины. Кромѣ китайцевъ пушнину по правой сторонѣ Амура и на побережьи скупаютъ и русскіе мѣстные жители или пріѣзжіе скупщики.

Время промысла соболя у амурскихъ и побережныхъ инородцевъ не ограничено временемъ, они промышляютъ его до тѣхъ поръ, пока у него хорошая шерсть.

Къ сѣверу отъ Тугурскаго полуострова, недалеко отъ материка, расположена группа острововъ подъ общимъ названіемъ Шантарскіе. Самый большой изъ нихъ, называемый Большой Шантаръ, издавна славился обиліемъ соболя и привлекалъ къ себѣ промышленниковъ.

Былъ ли когда-нибудь заселенъ этотъ островъ, точно сказать нельзя. Шренкъ, Крашенинниковъ и Миддендорфъ, основываясь на древнѣйшихъ извѣстіяхъ о немъ, по разсказамъ казаковъ Удскаго острога и документамъ удскаго архива, приходятъ къ заключенію, что въ XVII и XVIII вѣкѣ Большой Шантаръ постоянныхъ жителей не имѣлъ; посѣщали его только гиляки для охоты, а съ 1713 года туда начали ходить для промысла русскіе казаки, вытѣснившіе гиляковъ.

Когда и что заставило русскихъ промышленниковъ отказаться отъ соболинаго промысла на Шантарѣ, въ литературѣ указаній нѣтъ, можно предполагать, что, по неосторожности охотниковъ, на островѣ былъ лѣсной пожаръ, уничтожившій весь лѣсъ и соболей. Объ этомъ пожарѣ говорили Крашенинникову и Шренку.

Очевидно, перерывъ въ промыслѣ былъ довольно продолжительный, т. к. прибывшій туда въ 1906 г. обрусѣвшій якутъ Кондинскій—николаевскій купецъ съ 9 охотниками негидальцами, встрѣтилъ здѣсь массу соболя. Кондинскій узналъ о большомъ количествѣ соболей отъ японцевъ, которые, надо полагать, промышляли на Б. Шантарѣ въ сезонъ 1905/6 г., а можетъ быть и раньше.

Партія охотниковъ Кондинскаго за сезонъ охоты въ 1906/7 г. добыла 400 соболей, половина которыхъ пошла въ пользу Кондинскаго за доставку и содержаніе промышленниковъ. Промыселъ продолжался съ 18 октября по 1 марта. Льды скопившіеся между островами, продержали охотниковъ до

20 іюня. По словамъ Кондинскаго, Б. Шантаръ чрезвычайно гористъ, покрытъ густымъ лѣсомъ: лиственницей, елью, кедровымъ и ольховымъ сланцами и березой. Весной охотники встрѣтили на восточной сторонѣ острововъ трехъ японцевъ, оставшихся на лѣто для охраны имущества и заготовки рыбы на слѣдующій сезонъ, остальная партія японцевъ въ 10 человѣкъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ушла въ Японію (на восточной сторонѣ острова льдовъ было мало). Японцы сообщали, что добыли за зиму всего 80 соболей. Судя по добычѣ Кондинскаго, въ этой цифрѣ можно сильно сомнѣваться. Слюнинъ [1]), описывая пушной промыселъ Дальняго Востока, между прочимъ, упоминаетъ тоже объ якутѣ изъ Николаевска, упромыслившемъ въ тотъ же сезонъ 1906/7 г. на Большомъ Шантарѣ 800 соболей. Мы не знаемъ какимъ путемъ Г. Слюнинъ получилъ такія свѣдѣнія, думаемъ, что онъ здѣсь говоритъ именно о Кондинскомъ и даетъ слишкомъ преувеличенную цифру. Послѣ посѣщенія Кондинскимъ острова, послѣдній осаждается амурскими инородцами и русскими промышленниками, кажется, заходятъ сюда и японцы.

О соболиномъ промыслѣ на о-вѣ Сахалинѣ мы имѣемъ самое смутное представленіе. Извѣстно, что имъ занимаются гиляки, орочены, тунгусы и единичныя семьи русскихъ, а такъ какъ большинство изслѣдователей, главнымъ образомъ, изучали бытъ и экономическое положеніе русскаго населенія, вообще говоря, не занимающагося соболинымъ промысломъ, то послѣдній оставался освѣщеннымъ крайне поверхностно, по опроснымъ и оффиціальнымъ даннымъ. Оффиціальныя данныя тоже не даютъ полной картины. Изъ всеподданѣйшихъ отчетовъ губернатора о-ва Сахалина за 1908 и 1909 г.г. мы узнаемъ, что соболиный промыселъ ведется петлями и разными ловушками, причемъ промысловой сезонъ не былъ ограниченъ временемъ и только въ 1908 г. губернаторъ издалъ обязательное постановленіе, которымъ охота на соболя и бѣлку разрѣшалась съ 1 октября по 15 февраля. Всего въ годъ продается пушнины (не извѣстно, что подразумѣваетъ отчетъ подъ словомъ «пушнина») примѣрно на 100.000 руб. Скупщиками

[1]) Н. В. Слюнинъ. Современное положеніе нашего Дальняго Востока. 1908.

являются мѣстные и пріѣзжіе торговцы, отъ которыхъ вся пушнина поступаетъ на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки. Мѣстная цѣна средняго соболя въ 1909 г. была 30 руб.

Чинами Сахалинской экспедиціи Переселенческаго Управленія въ 1908 г. собраны статистическія данныя о добычѣ соболя. Данныя эти представляютъ необработанный и недостаточно полный матеріалъ. Ежегодная добыча соболя опредѣляется: максимальная 868 штукъ, минимальная 388 штукъ.

Надо думать, что изслѣдователи опросили не всѣхъ промышленниковъ, такъ какъ изученіе экономическаго быта инородцевъ не являлось прямой задачей экспедиціи, велось попутно, и инородцы, проживающіе въ мѣстностяхъ, для экспедиціи не представлявшихъ интереса, могли ускользнуть отъ опроса. Отчасти этимъ обстоятельствомъ объясняется большая разница въ цифрахъ общаго числа инородческаго населенія между данными экспедиціи и оффиціальными данными. По подсчету экспедиціи, инородцевъ всего 198 семей съ 1.127 душъ обоего пола, по оффиціальнымъ даннымъ — 1.800 душъ. О нѣкоторыхъ семьяхъ въ таблицахъ совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о промыслахъ.

Вотъ и всѣ данныя о сахалинскомъ соболиномъ промыслѣ, которыя мы нашли.

Переходимъ къ описанію камчатскаго промысла. Крашенинниковъ [1]), описывая соболиный промыселъ на Камчаткѣ, говоритъ: «Въ прежнее время бывало тамъ соболя невѣроятное множество, одинъ промышленникъ могъ изловить безъ дальняго труда до семидесятъ и осмидесятъ въ годъ, и то не для употребленія кожъ, ибо оныя почитались хуже собачьихъ, но болѣе для мяса, которое употребляли въ пищу, и сказываютъ, что камчадалы, при покореніи своемъ, за ясакъ соболиный не токмо не спорили, но, напротивъ того, смѣялись козакамъ, что они промѣнивали ножикъ на 8, а топоръ на 18 соболей».

Еще лѣтъ 40—50 тому назадъ, по расказамъ стариковъ, соболя было много. Въ поискахъ за пищей, онъ бѣгалъ около селеній, а по прирѣчнымъ тальникамъ спускался къ самому

---

[1]) Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. 1818 г.

морю. Въ настоящее же время встрѣчается только въ лѣсистыхъ горахъ и въ вершинахъ рѣкъ, причемъ районъ его распространенія годъ отъ году уменьшается, граница ближе и ближе подходитъ къ хребтамъ. На западномъ берегу Камчатки, сѣвернѣе Тигиля, она уже всходитъ на хребты, и жители расположенныхъ здѣсь селеній изрѣдка, только случайно добываютъ по нѣсколько штукъ въ годъ. Средней добычей по всему полуострову теперь считается 4 соболя на промышленника.

Быстрому истребленію соболя способствуетъ, главнымъ образомъ, усиленная охота на него. Населеніе, узнавъ дѣйствительную цѣну соболя, истребляетъ его безпощадно, основывая на этой добычѣ все свое благосостояніе.

Малосильный, трусливый и безпечный въ обыденной жизни, житель Камчатки становится неузнаваемъ въ погонѣ за соболемъ. Ради него онъ готовъ на всевозможныя лишенія: цѣлый день, отъ зари до зари, рыскаетъ по тайгѣ на лыжахъ, мужественно перенося голодъ, холодъ, усталость, а подчасъ, взбираясь на кручи и осыпи, рискуетъ даже жизнью. Нужно удивляться выдержкѣ этихъ полудикарей: при томъ огромномъ значеніи, какое соболь имѣетъ въ хозяйствѣ ихъ, и при томъ стремленіи, граничащемъ съ жадностью, добыть, какъ можно, больше, они строго соблюдаютъ правила промысла, установленныя ими же лѣтъ 20 тому назадъ. Правила эти, собственно, сводятся къ тремъ пунктамъ: 1) продолжительность промысла ограничивается съ 15 октября по 1 марта, 2) двѣ дачи: Кроноцкая, въ восточной части полуострова, включающая въ себя хребетъ Кроноки, и Асача, на югѣ Камчатки, съ сопками Асача и Хадутка, объявлены запретными для промысла и 3) промышлять соболя дозволяется только ружьемъ съ собакой и сѣткой; практиковавшійся ранѣе способъ ловли кулемками и другими ловушками строго запрещается. Изъ этихъ трехъ условій были и въ настоящее время бываютъ случаи нарушенія только второго условія: установлено, что въ запретныя мѣста заходятъ иногда жители окрестныхъ съ городомъ Петропавловскомъ селеній; камчадалы обращались къ содѣйствію полиціи, но изъ этого ничего не вышло, хищничество, въ малыхъ размѣрахъ, продолжается и понынѣ.

Мѣста промысла, фактически, не дѣлены, но при просторѣ, благодаря малолюдности, само собою создалось такое положеніе, что за каждымъ селеніемъ установились извѣстныя мѣста промысла, обыкновенно, въ верховьяхъ той рѣки, на которой расположено селеніе, склоны же горъ, между смежными рѣками, дѣлятся пополамъ. Однако это не мѣшаетъ промышленнику одного селенія поѣхать въ районъ другого селенія, предупредивъ о своемъ намѣреніи жителей этого селенія, чтобы промышленники знали, гдѣ кто охотится и не мѣшали бы другъ другу. За допущеніе въ районъ промысла, во всѣхъ селеніяхъ установлена одинаковая плата—отбыть каюрство, т. е.—если, при выѣздѣ съ промысла въ селеніе, за каюромъ явится проѣзжающій по казенной надобности, обязаны его везти. Не такъ охотно въ свой районъ осѣдлое населеніе принимаетъ кочующихъ оленеводовъ, тунгусовъ и корякъ.

Бывшіе до 1897 г. сильные падежи оленей разорили оленеводовъ, послѣдніе, въ надеждѣ сохранить остатки табуновъ, удалились въ горы, къ мѣстамъ обитанія соболей. Здѣсь они вылавливали соболей, и на долю осѣдлыхъ жителей оставался звѣрь, уже напуганый близостью человѣческаго жилья. Это, до нѣкоторой степени, и послужило поводомъ къ враждѣ, доходящей до того, что жители нѣкоторыхъ селеній налагаютъ штрафъ на оленеводовъ, осмѣлившихся промышлять соболя въ ихъ районѣ; а жители с. Большерѣцка ни подъ какимъ видомъ не позволяютъ кочевникамъ перейти съ табунами на лѣвую сторону р. Большой, гдѣ имѣются обширныя пастбища для оленей.

Жители селеній около г. Петропавловска промышляютъ соболя верстъ за 300 отъ селенія, въ вершинахъ необитаемой р. Жупановой. Такой отдаленный промыселъ требуетъ отъ промышленника предварительной заготовки рыбы на мѣстѣ промысла. Обыкновенно, ранней осенью они ѣздятъ верхами на лошадяхъ, какъ говорятъ—«дѣлать запасеніе» для себя и собакъ, послѣ заготовки провизіи возвращаются обратно и на промыселъ ѣдутъ вмѣстѣ съ другими 15 октября.

Въ охотѣ на соболя большое участіе принимаетъ собака, поэтому мы остановимся здѣсь на описаніи камчатской собаки, такъ называемой звѣровой.

Самыя лучшія звѣровыя собаки на Камчаткѣ у тунгусовъ (ламутъ), такъ называемыя—ламутскія, въ большинствѣ случаевъ, темно-сѣрой окраски, съ длинными ногами, съ широкимъ лбомъ, узкой мордой, маленькими острыми ушами и широкой грудью. Отъ звѣровой собаки камчатскіе промышленники требуютъ хорошее обояніе и быстроту бѣга для отыскиванія соболя подъ снѣгомъ или нагонять убѣгаюшаго. Ламутская собака цѣнится въ 100—200 руб. и дороже, чаще собаку вымѣниваютъ на лошадь, корову, ружье съ придачей денегъ, пушнины и т. п. Охотникъ, имѣющій хорошую собаку всегда промыслитъ больше другихъ на 3—4 соболя, что дастъ ему лишнихъ 200—250 руб., эта цифра и является ежегоднымъ доходомъ отъ собаки. Осѣдлые жители рѣдко покупаютъ такихъ дорогихъ собакъ; обычно, звѣровыхъ они выбираютъ изъ своихъ ѣздовыхъ. Промышленникъ пробуетъ одну собаку, если она сразу пойметъ, въ чемъ дѣло, и проявитъ острое чутье, ее и дальше держатъ за звѣровую—лучше кормятъ, не запрягаютъ въ нарту, если же окажется плохая, пробуетъ вторую, третью и т. д., пока не наткнется на хорошую.

Первый осенній промыселъ ведется такъ: промышленникъ, встрѣтивъ свѣжій соболиный слѣдъ на снѣгу, ѣдетъ по нему до тѣхъ поръ, пока не находитъ соболя, который, обыкновенно, прячется гдѣ нибудь подъ колодиной или въ дуплѣ, при мелкомъ снѣгѣ ему далеко спрятаться не удается. Заслышавъ шумъ, при приближеніи охотника, соболь выскакиваетъ и бѣжитъ дальше, охотникъ спускаетъ съ поводка собаку, которая преслѣдуетъ его. Собакѣ рѣдко удается поймать соболя на землѣ, обыкновенно онъ, видя неминуемую гибель, вскакиваетъ на дерево, тамъ охотникъ и бьетъ его изъ ружья дробью № 3 или 4. Несравненно труднѣе охота зимой, при глубокихъ снѣгахъ. Въ глубокомъ снѣгу соболю укрыться легко; онъ забивается подъ упавшее дерево съ густыми вѣтвями, или въ заросли кедроваго сланца, густые переплетающіеся стволы котораго не пропускаютъ снѣгъ до земли и подъ стволами, у корней, остаются свободные проходы; пользуясь ими, соболь уходитъ далеко.

Въ такихъ случаяхъ, охотникъ пользуется сѣткой. Сѣтка для ловли соболя дѣлается изъ неводныхъ нитокъ; длина ея

*

отъ 10 до 25 саженъ, вышина въ ½ саж.; чрезъ каждыя ½ саж. къ сѣткѣ прикрѣпляются тонкія палки, на которыхъ она и устанавливается на снѣгу; иногда по верху сѣтки привязываются маленькіе бубенцы. Когда охотникъ дойдетъ до мѣста, гдѣ скрывается соболь, онъ первымъ дѣломъ у входа кладетъ шапку или рукавицы, чтобы соболь не выскочилъ раньше времени (соболь чувствуетъ запахъ и боится выйти); затѣмъ, все мѣсто кругомъ колодины окружается сѣткой; если колодина или свалившееся дерево, подъ которымъ спрятался соболь, велико, соединяются вмѣстѣ по 2—3 сѣтки, захватывая кругомъ саж. на 50—60 и больше; концы сѣтки въ большинствѣ случаевъ не смыкаются. Окруживъ вершину дерева, начинаютъ у комля окапывать снѣгъ; если есть съ собой собака, ее слегка привязываютъ къ палкѣ, воткнутой въ снѣгъ, въ проходъ между концами сѣтки такъ, чтобы при сильномъ напорѣ собаки поводокъ отвязался. Соболь, замѣтивъ, что охотникъ подбирается къ нему съ комля дерева, пролѣзаетъ подъ снѣгомъ въ вершину дерева и пробуетъ убѣжать, но запутывается въ сѣткѣ или же попадаетъ въ зубы собакѣ, сорвавшейся съ привязи. Если соболь держится на вершинѣ крѣпко, охотникъ, окопавъ комель, переноситъ сѣтку въ противоположную сторону, т. е. окружаетъ комель, а самъ начинаетъ выпугивать съ вершины, ходитъ кругомъ нея, пробиваетъ снѣгъ длинной палкой—«шатиной», стучитъ по вѣтвямъ, наконецъ, зажигаетъ бересто или гнилушку, направляя дымъ подъ колодину. Если всѣ эти мѣры не имѣютъ успѣха, и соболь продолжаетъ сидѣть, охотникъ начинаетъ окапывать всю вершину, чтобы такимъ путемъ добраться до него и принудить выйти; иногда соболю удается пробраться подъ снѣгомъ за сѣтку и если охотникъ, занятый расчисткой колодины, во время не замѣтитъ этого, соболь убѣгаетъ дальше. Въ этихъ случаяхъ хорошая звѣровая собака никогда его не отпуститъ и напрасно не заставитъ хозяина работать, она быстро чрезъ толщу снѣга, какъ говорятъ охотники—«нанюхиваетъ» соболя и подъ нимъ начинаетъ рыть снѣгъ; чтобы лучше ей разобраться, гдѣ соболь, охотникъ шатиной дѣлаетъ въ снѣгу дыры, чрезъ которыя собака и улавливаетъ довольно сильный запахъ соболя. Такая собака особенно помогаетъ въ заросляхъ кедроваго сланца, гдѣ соболю удобно

пролазить между стволовъ, и онъ подъ снѣгомъ уходитъ на, десятки саженъ отъ промышленника. Сплошь и рядомъ охотникъ не можетъ выжить соболя засвѣтло, тогда онъ оставляетъ сомкнутую кольцомъ сѣтку на ночь, если имѣется звѣровая собака, то и ее. Хорошая собака привязывается слегка къ палкѣ въ небольшомъ проходѣ между концами сѣтки, называемомъ усы; собака, свернувшись клубкомъ, лежитъ на снѣгу смирно, терпѣливо выжидая, когда соболь выйдетъ. Пользуясь темнотой, соболь, выскочивъ изъ убѣжища, пытается удрать, но натыкается на сѣтку; предательскіе бубенцы даютъ знать объ этомъ собакѣ, та сразу бросается, поводокъ отъ сильнаго напора развязывается, собака освобождается и загрызаетъ звѣрька; покончивъ свое дѣло, прибѣгаетъ въ палатку хозяина. Если собака плохая, не понимаетъ своей роли, ее крѣпко привязываютъ около колодины; оставшись одна, она всю ночь рвется, лаетъ, визжитъ; соболь, конечно, боится выйти и сидитъ всю ночь; утромъ охотникъ продолжаетъ добывать его.

Если охотникъ не надѣется на собаку и имѣетъ короткую сѣтку, остается на ночь караулить соболя на ружье. Противъ входа, саженяхъ въ 10, дѣлаетъ барьеръ изъ снѣга, за которымъ прячется съ ружьемъ; всю ночь, не сводя глазъ, смотритъ на выходную нору; какъ только соболь выйдетъ изъ убѣжища, такъ и бьетъ его изъ ружья. Но увы, часто утромъ приходится убѣдиться, что соболь перехитрилъ его, вышелъ изъ подъ снѣга гдѣ либо въ сторонѣ и благополучно скрылся. Намъ пришлось видѣть неопытнаго охотника изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, который, наслышавшись о массѣ соболей на Камчаткѣ, пріѣхалъ спеціально охотиться за ними. Съ огорченіемъ расказывалъ намъ о своей неудачѣ: одного соболя преслѣдовалъ цѣлыхъ три недѣли и все безуспѣшно. Дойдя по слѣду до убѣжища, этотъ охотникъ ставилъ сѣтку и оставался караулить, утромъ обычно убѣждался, что соболь вылѣзалъ гдѣ нибудь далеко за сѣткой и удиралъ, охотникъ шелъ новымъ его слѣдомъ до новой засады и опять терпѣлъ ту же неудачу. Одинъ разъ подъ снѣгомъ соболь пробрался до берега рѣчки и пользуясь наледью около самой воды, не оставляя слѣда отбѣжалъ саженъ 100 и только тогда вышелъ на снѣгъ. Утромъ охотникъ, осмотрѣвъ кругомъ, рѣшилъ, что соболь си-

дитъ подъ колодиной, оставилъ сѣтку на мѣстѣ, а самъ пошелъ къ своей палаткѣ спать (днемъ соболь не выходитъ), но на пути видитъ свѣжій соболиный слѣдъ, его поразило, что такъ близко къ нему подходилъ соболь, начинаетъ разбираться откуда онъ шелъ и только тогда понялъ, что это слѣдъ его давнишняго пріятеля. Соболю, видимо, надоѣло трехнедѣльное преслѣдованіе и онъ ушелъ въ каменистый горный хребетъ; дальнѣйшее преслѣдованіе было бы безполезно для неопытнаго охотника, онъ рѣшилъ бросить его. Простой, на первый взглядъ, способъ ловли соболя требуетъ отъ охотника большой снаровки, сообразительности и знанія уловокъ хитраго звѣрька.

Все время промысла охотники живутъ въ холщевыхъ палаткахъ, ночуя въ кукуляхъ (мѣшокъ изъ оленьихъ или бараньихъ шкуръ) домой выѣзжаютъ недѣли черезъ 2—3, лишь за провизіей. Два, три и больше промышленниковъ устраиваютъ палатки вмѣстѣ, промышляя кругомъ нихъ, помогаютъ другъ другу. У компаніи вся добыча считается общей и послѣ промысла дѣлится поравну, хотя бы нѣкоторые и совсѣмъ ничего не поймали.

Часть упромышленнаго соболя сдается на ясакъ уѣздному начальнику, а остальной продается разъѣзжающимъ мелкимъ купцамъ или приказчикамъ крупныхъ магазиновъ.

Уѣздный начальникъ, обычно, въ январѣ мѣсяцѣ выѣзжаетъ изъ Петропавловска для сбора ясака, по заранѣе объявленному маршруту. Всѣ селенія Камчатки онъ объѣзжаетъ въ 2—2½ мѣсяца. Каждый староста ко дню пріѣзда собираетъ отъ охотниковъ ясакъ, кто даетъ соболя, кто лисицу, выдру, россомаху или волка. Соболя связываются въ одну вязку и припечатываются къ дощечкѣ съ надписью селенія. Весной съ первымъ пароходомъ пріѣзжаютъ въ Петропавловкъ скупщики пушнины. Соболя продаются съ аукціоннаго торга вязками по каждому селенію отдѣльно. Изъ вырученныхъ денегъ удерживается по числу ревизскихъ душъ въ селеніи ясакъ, въ размѣрѣ 3 руб. 50 коп. съ души, а остальныя деньги возвращаются старостѣ при слѣдующемъ объѣздѣ уѣзднаго начальника. Возвращенная сумма въ однихъ селеніяхъ дѣлится поравну между всѣми жителями, въ другихъ—поравну между владѣльцами соболей. Законъ допускаетъ вмѣсто пушнины уплату деньгами, но нѣкото-

рые начальники требуютъ обязательно пушнину, расчитывая продать ее съ аукціона дороже, чѣмъ дадутъ купцы на мѣстѣ. Нерѣдко такіе навязчивые благодѣтели вводятъ населеніе въ убытокъ, такъ какъ аукціонныя цѣны бываютъ иногда дешевле мѣстныхъ. За послѣднее время на мѣстахъ сами промышленники устраиваютъ аукціоны, если въ селеніе съѣзжается нѣсколько купцовъ.

Скупщики пушнины одновременно развозятъ разные товары для обмѣна на пушнину, но за послѣднее время жители на такую сдѣлку не идутъ, всякій старается соболя продать на деньги, а товаръ покупаютъ у того, кто назначитъ болѣе дешевыя цѣны; конечно, купецъ, давшій дорого за соболя, старается наверстать на товарѣ, не тамъ, такъ въ другомъ мѣстѣ онъ попадетъ въ положеніе, гдѣ нѣтъ конкурента, а спросъ того или иного товара усиленный; въ этомъ случаѣ онъ поднимаетъ цѣны, не стѣсняясь.

О камчатской торговлѣ въ періодической печати говорятъ очень много [1]). Высокую цѣну на соболя объясняютъ исключительно особыми условіями мѣновой торговли, встрѣчаются мнѣнія, что купцы, будто бы, умышленно поднимаютъ цѣны на пушнину, чтобы устранить конкуренцію и, расцѣнивъ высоко свои товары, понижаютъ цѣну рубля, которымъ и платятъ за соболя. Основательно познакомившись съ торговлей на Камчаткѣ, мы считаемъ, что такія свѣдѣнія исходятъ отъ лицъ крайне поверхностно знакомыхъ съ условіями торговли на Камчаткѣ. Камчатскія цѣны, вообще говоря, значительно выше, напримѣръ, владивостокскихъ; на нѣкоторые предметы поразительно высоки, но зависятъ онѣ, въ большинствѣ случаевъ, не отъ способа торговли или цѣнъ на соболя, а отъ совокупности условій, въ которыхъ ведется торговля. Высокая, на первый взглядъ, цѣна на пудъ соли въ центрѣ Камчатки (доходитъ до 6 руб.) окажется нормальной, если принять во вниманіе, что провозъ пуда груза отъ Петропавловска до с. Милькова (300 вер.) купецъ платитъ туземцу отъ 4 р. до 4 р. 50 коп., да за доставку изъ Владивостока до Петропавловска субсидированное пароходство беретъ по 45 коп. съ пуда.

---

[1]) Историческій Вѣстникъ за 1909 г. статья Сильницкаго.
Новое Время 1909 г. статья Жуковскаго.

Цѣны на соболя, какъ и вездѣ, диктуетъ міровой рынокъ, и отъ хитрости купцовъ онѣ зависятъ мало. Доказательствомъ этому служитъ то, что ясачные соболя, продаваемые съ аукціоннаго торга въ Петропавловскѣ, гдѣ расчетъ производится за наличныя деньги, и, кромѣ мѣстныхъ купцовъ, участвуютъ люди, не причастные къ камчатской торговлѣ, идутъ отнюдь не выше, а иногда даже ниже цѣнъ, платимыхъ торговцами на мѣстахъ.

Нижеслѣдующія цѣны на ясачныхъ соболей взяты изъ аукціонныхъ листовъ Петропавловскаго полицейскаго управленія:

Періодъ съ 1881 г. по 1885 г.			Періодъ съ 1886 г. по 1890 г.		Періодъ съ 1903—1910 г.	
	Высш. цѣна.	Низш. цѣна.		Средняя цѣна.		Средняя цѣна.
Въ 1881 г.	16 р.	15 р.	Въ 1886 г.	23 р. — к.	Въ 1903/04/05 г.	48 р.[1]) к.
» 1882 »	35 »	25 »	» 1887 »	25 » — »	» 1906 г.	96 р. — »
» 1883 »	25 »	20 »	» 1888 »	17 » 50 »	» 1907 »	73 р. — »
» 1884 »	25 »	20 »	» 1889 »	20 » — »	» 1908 »	50 » — »
» 1885 »	23 »	22 »	» 1890 »	20 » 10 »	» 1909 »	50 » — »
					» 1910 »	57 » 50 »

Здѣсь же приведемъ цѣны Владивостокской биржи на уссурійскаго и амурскаго соболя:

Съ 1900 по 1905 г.—отъ 8 до 50 руб.

Въ 1906 г.—отъ 8 до 60 руб.

Въ 1907 и 1908 г.—отъ 15 до 85 руб.

Въ 1909 и 1910 г.—отъ 20 до 100 руб.

Къ сожалѣнію, эти таблицы неудобны для сравненія: по владивостокской биржѣ нѣтъ среднихъ цѣнъ, а затѣмъ рынки сами по себѣ находятся не въ одинаковыхъ условіяхъ: Владивостокъ отправляетъ пушнину на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки или въ Москву, тогда какъ большая половина камчатскаго соболя, купленнаго въ Петропавловскѣ, отправляется непосредственно на Лондонскій рынокъ.

Въ первой таблицѣ не достаетъ свѣдѣній за 1901 и 1902 г.—ихъ въ полицейскомъ управленіи не оказалось. По распросамъ промышленниковъ, въ эти годы цѣна на него держалась отъ 20 до 25 руб. Такимъ образомъ, за періодъ съ 1881 по 1903 г. цѣна на соболя была довольно устойчива, въ среднемъ—

[1]) Продавались соболя всѣхъ трехъ лѣтъ въ 1905 г.

около 25 р. Въ 1903 г. она сразу поднялась на мѣстахъ, при продажѣ скупщикамъ, до 45—50 руб. и держалась два слѣдующіе года, съ 1906 г. еще повышается.

Всего, по нашимъ подсчетамъ, за сезонъ 1907/8 упромышлено на Камчаткѣ 3503 соболя, принимая среднюю цѣну въ 50 р.—всего на сумму 175.150 руб.

Въ нашъ подсчетъ не вошли соболя, упромышленные на Карагинскомъ островѣ. Этотъ островъ лежитъ на сѣверо-восточной сторонѣ полуострова Камчатки, противъ бухты Карагинской, верстахъ въ 20 отъ берега. На Карагинскомъ о-вѣ соболей или вовсе не было, или они истреблены въ давнія времена. По мысли петропавловскаго уѣзднаго врача, лѣтъ 15 тому назадъ на о-въ завезены были 6 соболей,—4 матки и 2 самца; въ томъ же году съ табунами оленей перекочевали туда 5 семей корякъ. Условія для жизни соболя и оленей оказались настолько благопріятными, что тѣ и другія животныя чрезвычайно быстро расплодились. Въ селеніи Карагѣ, жители котораго имѣютъ сношеніе разъ въ годъ съ Карагинскимъ островомъ, говорили намъ, что если зимой (1908 г.) не встанетъ проливъ (сѣверные вѣтра нагоняютъ ледъ въ проливъ, а южные выгоняютъ; смѣна вѣтровъ бываетъ настолько частая, что установить время, удобное для сообщенія чрезвычайно трудно), то на островѣ, отъ недостатка корма, олени будутъ дохнуть. Администрація никакихъ мѣръ къ вывозу оленей не принимаетъ. Соболей здѣсь скупаютъ американцы, приходящіе каждый годъ на шкунѣ.

При существующихъ за послѣднія 8 лѣтъ цѣнахъ, промыселъ является очень выгоднымъ и позволяетъ жить промышленнику довольно хорошо, но положеніе его нельзя считать прочнымъ. Мы уже говорили, что соболь годъ отъ году уменьшается, мѣръ же къ сохраненію его пока не принимается, а если кой-гдѣ и были приняты, то уже потеряли значеніе. Въ 1907 г. въ Петропавловскѣ было совѣщаніе изъ лицъ мѣстной администраціи и нѣсколькихъ скупщиковъ пушнины, представители же отъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ—промышленниковъ не приглашались. Наилучшей мѣрой къ сохраненію соболя совѣщаніе признало—запускъ соболя по всей Камчаткѣ черезъ 3 года въ четвертый, т. е. три года промышлять. а

четвертый—нѣтъ. Мѣра эта промышленниками считается не дѣйствительной. Въ годъ запуска не запрещается охота на другихъ звѣрей кромѣ соболя, спрашивается, кто и какъ будетъ слѣдить за охотникомъ, уѣхавшимъ промышлять лисицъ, выдръ, россомахъ или волковъ, чтобы въ то же время не промышлялъ и соболя; нѣтъ сомнѣнія, наиболѣе ловкіе будутъ промышлять его и, чтобы не вызвать неудовольствія начальства и общества, крадучись, будутъ по дешевкѣ сдавать японцамъ-рыбопромышленникамъ, которые, конечно, не выдадутъ ихъ. Такимъ образомъ, мѣра, выработанная администраціей, не принесетъ желаемыхъ результатовъ ни для промышленника, ни для государства.

Изъ разговоровъ съ промышленниками мы вывели заключеніе, что болѣе раціональными они считаютъ двѣ мѣры: 1) Каждый годъ на общемъ сходѣ, или сразу на нѣсколько лѣтъ, представители промышленниковъ устанавливаютъ запретные районы въ разныхъ частяхъ полуострова; такъ напримѣръ, одинъ годъ запрещается промыселъ на всѣхъ звѣрей въ районѣ отъ р. Быстрой до р. Коловской, на другой годъ—отъ р. Коловской до р. Ичи и т. д. При этомъ сходъ же назначаетъ мѣста промысла охотникамъ селеній, находящихся въ запретномъ районѣ, причемъ, къ началу промысла, охотники должны быть въ селеніяхъ назначенныхъ имъ районовъ.

Другая мѣра проще, не требуетъ большихъ жертвъ отъ населенія, а именно,—устанавливать черезъ три года въ четвертый запускъ на всѣхъ звѣрей, кромѣ осенней охоты на медвѣдя около дома, не далѣе 15 октября. Съ 15 числа всѣ промышленники должны сидѣть въ селеніи и заниматься домашними работами. Правда, такая мѣра лишаетъ все населеніе годового заработка отъ охоты, зато сохраняетъ не только соболя, но и другихъ животныхъ, которые тоже быстро выводятся, а свободная отъ промысла зима дастъ возможность поправить свое домашнее хозяйство, которое, въ погонѣ за добычей соболя, у многихъ значительно расшаталось.

Суммируя добычу соболя, мы имѣемъ, что въ Приморской и Камчатской областяхъ и на о-вѣ Сахалинѣ, по самому скромному опредѣленію, добывается въ годъ свыше 10.000 шкурокъ, что, при средней цѣнѣ соболя, установившейся за послѣднія 5 лѣтъ—въ 50 руб., дастъ—500,000 руб.

Это—доходъ отъ одного только соболинаго промысла, который, какъ мы видѣли, распространенъ далеко не по всей области. Охота же на другихъ звѣрей, которыми изобилуетъ край, захватываетъ несравненно большій районъ, занимаетъ большее число лицъ и, по доходности, въ общей сложности, смѣло можно считать—въ два-три раза превышаетъ доходность соболинаго промысла.

Казалось бы—полутора-двухмилліонный доходъ заслуживалъ бы вниманія на то, чтобы оградить звѣря отъ хищническаго и, подчасъ, безсмысленнаго истребленія, но въ дѣйствительности этого нѣтъ. Только по отношенію соболя на Камчаткѣ, какъ мы видѣли, пробуютъ примѣнить охранительныя мѣры, но такъ какъ для выработки ихъ не приглашались промышленники, лично заинтересованные въ промыслѣ, то установленныя мѣры оказываются нежизненными и даже вредными.

Сохраненіе звѣря въ областяхъ Дальняго Востока, помимо его доходности, имѣетъ еще то значеніе, что во многихъ мѣстахъ онъ является почти единственнымъ условіемъ, способнымъ привлечь человѣка. Н. М. Ядринцевъ говоритъ, что «соболь былъ главнымъ путеводителемъ и двигателемъ въ наступательномъ движеніи нашихъ піонеровъ къ востоку». Намъ кажется, эта роль соболя не кончилась, и, быть можетъ, въ дѣлѣ колонизаціи края онъ еще сыграетъ не малую роль; мы и теперь видимъ, что только соболь заставилъ старообрядцевъ перемѣнить плодороднѣйшія долины Даубихэ и Улахэ на глухую, въ то время отрѣзанную отъ всего міра, долину р. Амагу, около мыса Бѣлкина на восточномъ побережьѣ.

В. Рубинскій.

$19\frac{10}{XI}10$

Кр. Владивостокъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ГКИД ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА